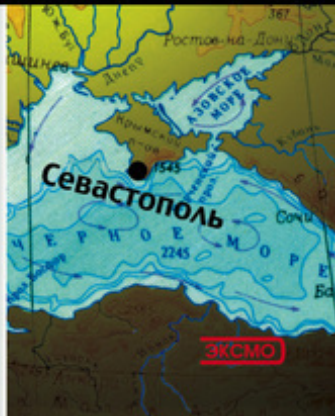

**Михаил
Серегин**

Черноморский Клондайк

Михаил Георгиевич Серегин

Черноморский Клондайк

Серия «Криминальная карта России»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167370

Черноморский Клондайк: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-05706-4

Аннотация

«Черных» археологов Черноморского побережья «крышует» авторитет Хазар. Он человек с понятиями и исправно отстегивает и местным ментам, и вице-мэру. Но когда в руки аквалангисту Иннокентию попадает свинцовый свиток, где указаны координаты клада легендарного царя Митридата, любые уговоры летят к черту. Все хотят получить клад целиком – и Иннокентий, и Хазар, и менты... Да и сочинский пахан Черкес не намерен щелкать клювом, когда рядом лежат несметные сокровища. Кто пробежит быстрее, нырнет глубже, унесет больше? Может быть, именно тот, кто не особо торопится?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	47
ГЛАВА 4	75
ГЛАВА 5	99
ГЛАВА 6	114
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Михаил Серегин

Черноморский Клондайк

ГЛАВА 1

На надавливание клапана аквamatик отозвался сильным шипением выпускаемого воздуха.

«Порядок», – Иннокентий отвернул вентиль до упора, поднял тяжелые баллоны и нацепил ремни на плечи.

Шланг с аквamatиком на конце бросил за плечо, застегнул пояс, нацепил на лоб маску, поднял длинные черные ласты фирмы «Акванафт» и направился к урезу воды. Белый плотный песок не проваливался под голыми ступнями. Палатка синела на берегу, возле нее был свален немудреный скарб. На шее болтался алюминиевый номерок от камеры хранения, в которой он оставил документы и немного денег. Поэтому прятать особо было нечего, да и не от кого.

Начало лета. Иннокентий глубоко вдохнул теплый, пахнувший солеными водорослями воздух и плюхнулся в воду. На задницу. Вода еще не слишком прогрелась, поэтому его тело покрылось мурашками. Набежавшая волна легко подкинула его и снова оставила на песке. Бросив ласты в воду, он на-

цепил одну из них на ногу прямо в воде, чтобы не скрипела калоша, и потянулся за второй, которая плавала рядом. Теперь можно и нырнуть.

Он повернулся спиной к морю, чтобы плавники ласт не мешали идти, и двинулся назад. То есть вперед. В этом месте берег был пологий, уходящий вглубь медленно, но верно. Слева белел невысокий откос, вклинившийся в море отвесной стеной. Знатное местечко. Когда-то здесь, на месте современной Анапы, стоял древний город Горгииппия. Веков двадцать-двадцать пять тому назад. Даже представить себе это время было почти невозможно.

Иннокентий выбрал местом своего пребывания участок побережья в нескольких километрах от города. Понятно, что обнаружить здесь что-нибудь стоящее было гораздо сложнее, но район Анапы не представлял интереса для археологов. В том смысле, что раскопы становилось проводить все сложнее, так как Анапа стояла прямо на фундаменте древней Горгииппии.

Поэтому Иннокентий остановился здесь. Подальше от городского шума.

В древние времена почти по всему побережью Черного моря были раскинута города, городишки и поселки. Так что и тут оставалась возможность наткнуться на какую-то древность.

Зайдя в море по грудь, Иннокентий опустил лицо в воду и взял в рот загубник. Несколько раз потянул в себя сжатый

воздух, проверяя работу аппарата. Надел маску и снова опустил голову в воду. Мелкая рыбешка скользила у дна, разыскивая пищу. Он еще раз глубоко вдохнул и, бросив руки вперед, оттолкнулся от песка. Пузырьки выдыхаемого воздуха весело лопались на поверхности воды.

Пробравшая его на берегу дрожь сразу прошла, и все тело наполнила бодрящая свежесть. Иннокентий втянул в себя воздух через нос, чтобы маска плотнее прижалась к лицу, и медленно заскользил над дном.

Воздуха в баллонах должно было хватить минут на двадцать-тридцать; он забил их до двухсот атмосфер. Даже немного больше. Сперва песок был голый, словно коленка, потом стали попадаться одиночные осколки глиняных сосудов, некоторые из которых были покрыты черным лаком.

Они не привлекали его внимания. Это были маленькие кусочки обожженной глины, которые можно было всучить разве какому-нибудь провинциальному музею, у которого, как обычно, нет на это денег.

Пробороздив над дном, как летательный аппарат, в течение десяти минут, Иннокентий стал забирать правее, в сторону города. Здесь осколков стало больше, но они, по сути, его не интересовали. И вот в песке что-то тускло блеснуло. Иннокентий замедлил ход и, лениво двигая ластами, завис над заинтересовавшим его объектом. Кажется, здесь...

Слегка поведив рукой над песком, который, поднимаясь, начал падать белесой пеленой, он заметил на дне какой-то

цилиндрический предмет.

Взяв его в руки, он всплыл на поверхность, чтобы как следует рассмотреть находку и не расходовать зря воздух. Снял загубник и маску. Разочарованию его не было предела. Он держал в руках свинцовую трубку, которую рыбаки используют в качестве грузила для сетей. Трубка была длиной сантиметров десять и около двух сантиметров в диаметре.

«Черт побери, надо же», – Иннокентий собирался бросить находку в море, но что-то заставило положить ее в болоньевый мешочек, прикрепленный к запястью руки. Он вдруг вспомнил, что на таких трубках лет сорок назад нашли древнегреческие и древнеримские письма.

«Может, и здесь что-то будет», – подумал он, опуская трубку в мешочек. Он посмотрел на берег, до которого было около трехсот метров. Надев маску и зажав загубник аквamatика, снова погрузился в светло-зеленую воду. Видимость была приличной: слой шириной в десять-пятнадцать метров просматривался прекрасно. Голубовато-зеленая вода усиливала резкость лежащих на дне предметов и увеличивала их в размерах.

«Если сегодня ничего не попадется, снова зря растрочу воздух», – подумал Иннокентий.

Ничего не стоящий на поверхности воздух, забитый в баллоны, приобретал большую ценность. Об этом тем более стоило подумать, что денег на прожитие оставалось в обрез.

Родившись неподалеку от Анапы, он еще в детстве пере-

ехал с родителями в столицу, где закончил археологический институт. Теперь он мог считаться «дикарем». Тем более что родственников в этом краю у него не было. За несколько лет археологической практики Иннокентий стал привычен к жизни в палатке. Разбив ее на берегу, он почувствовал себя как дома. До ближайшего населенного пункта было не меньше шести километров, поэтому никто из местных жителей сюда не забредал. Иннокентия это устраивало. Ему давно наскучило общение с приятелями и знакомыми, беспардонно вламывающимися в его одинокую комнату в Филевском парке.

До центра Москвы оттуда можно было добраться минут за тридцать.

Шлепнув ластами по поверхности воды, он снова погрузился на дно. Эти песчинки и редкие камушки, возможно, когда-то валялись под ногами древних. Представив себе двадцатипятивековое расстояние во времени, Иннокентий чуть не захлебнулся. Ага, что-то есть! Приблизившись ко дну, он поднял кругляшок, чем-то напоминавший монету. Это и была монета.

Только отчеканенная в далекой древности. Истинную ее ценность можно было установить лишь на берегу. Настроение тут же поднялось. Найденные вещички можно будет с большой выгодой спихнуть перекупщикам. Через несколько минут он нашел еще две монеты, одна из которых была явно горгиппийской или даже синдской. Да еще перстень с голу-

боватым камнем.

По некоторым сведениям, дошедшим из глубины веков, по соседству с древней Горгиппией располагался город Синдская Гавань. Только эти сведения не подтверждены современными раскопками. Кое-кто считает Синдскую Гавань и Горгиппию, то есть современную Анапу, одним и тем же местом. Вопрос не из легких. Иннокентию, впрочем, было на это наплевать.

То есть не совсем, конечно, наплевать. Знания по археологии позволяли ему устанавливать хотя бы приблизительную стоимость находок, так что перекупщикам не удавалось его облапошить.

Подобрав еще одну монету и почувствовав, что воздух в акваланге заканчивается, он выбрался на берег. И увидел, что возле его палатки стоит джип серо-зеленого цвета.

Сдернув маску и выплюнув загубник акваматака, он сел в воду и принялся стаскивать ласты. Несколько человек в легких одеждах направились от джипа к нему. Шли они вразвалку, не замечая ничего вокруг. Но Иннокентий тут же почувствовал селезенкой, что волнует их не прибой, а именно он.

«Черт вас принес», – ругнулся он, стаскивая ласты. В походке громил читалась угроза. Взгляды были еще красноречивее. На толстощеких мордах черным стеклом поблескивали очки, но даже короткого взгляда Иннокентию хватило, чтобы и через тонированную мглу уловить неприязненный

напор спрятанных зрачков.

– Хау ду ю ду, ныряльщик, – на чистом русском произнес первый, который остановился так, что набегавшие волны почти касались его кожаных испанских туфель.

Эти туфли. Они были плетеные и коричневые. Из их прорезей торчали нестриженные ногти.

– Морнинг, – вежливо ответил Иннокентий, потому что было еще утро...

Он поднялся, стоя в воде, держа в одной руке «акванавты», а в другой – мешочек с находками.

– Иди-ка сюда, – поманил его к себе первый пальцем, похожим на вареную сардельку.

Теперь Иннокентий мог его хорошенько рассмотреть. «Мятый» бежевый пиджак с закатанными рукавами, из-под которых выглядывали гладкие белые руки с черной порослью. Легкие льняные штаны, почти белые, широкие, с отворотами. Кремовая рубашка. На запястье – дорогие, отсвечивающие серебром часы. Два сопровождавших франта парня были одеты примерно так же, только чуть скромнее. Штаны и пиджаки не такие мятые. Рубашки – серо-голубые. На ногах – что-то вроде греческих сандалий. Единственное, что их роднило, – это красные толстые морды и темные очки.

– Чего?

Выйдя из моря, Иннокентий бросил ласты на песок и принялся снимать акваланг.

– Ты откуда такой взялся? – растянул толстые губы в улыб-

ке мордастый.

– Чего вам, ребята? – Иннокентий постарался спрятать мешок за спиной, но его жест был замечен.

– Вон того, – показал мордастый. – Дай сюда.

Иннокентий не без сожаления протянул мешок, прикидывая, что там могло быть находок на пару тысяч долларов. Да и то, если продавать здесь. В Москве же они потянули бы вдвое, а то и втрое дороже.

Монеты можно было спихнуть каждую долларов по триста, а перстень нужно было еще разглядеть. Но не получилось. Мордастый вывалил находки из мешка себе на ладонь и принялся их рассматривать. Двое других тоже склонили головы над его клешней.

– Что же ты, блядь такая, решил ограбить нас? – Мордастый поднял голову и пронизал Иннокентия убийственным взглядом.

Иннокентий знал, что занимается промыслом нелегальным, но эти парни совсем не походили на представителей правоохранительных органов, следящих за порядком на своей территории. Он не чувствовал своей вины, но вступать в пререкания было небезопасно. Все-таки их было трое.

– Может, договоримся? – неуверенно произнес он, поеживаясь, так как на воздухе было прохладно.

– Леха, – один из дружков мордастого посмотрел на своего предводителя. – Может, утопим гада?

– Погоди, Сальмон, – покачал головой Леха, – а вдруг па-

рень правил не знает?

– Я ничего не знаю, – подтвердил Иннокентий. – Сколько ездил – ничего. А здесь вы. Если что, я готов поделиться.

– Делиться надо, – довольно кивнул Леха, – только думать раньше надо было.

– Так я первый раз.

– П...шь, друг, сам сказал, что едешь давно.

– Раньше ездил, – поправил его Иннокентий.

Леха ссыпал побрякушки назад в мешок и затянул ремешок.

– В общем так, братан, – перевел он взгляд на Иннокентия. – На первый раз тебя прощаем.

– Хорошо, – обрадовался Иннокентий, протягивая руку за мешочком.

Но его ждало разочарование. Леха отдавать ему ничего не собирался.

– Не-ет, – его студенистое лицо скривилось от улыбки. – Этого ты не получишь. Это будет твоей платой за сегодняшний день.

– Да вы что, ребята?! – сделал попытку к сопротивлению Иннокентий. – Там же побрякушек на две тонны баксов, если не больше.

– Да? – толстомордый от удивления даже приподнял очки. – Ты что-нибудь в этом сечешь?

– Учился, – буркнул Иннокентий.

– Ученый, значит. Век живи – век учись. Ничего, следую-

щий раз еще умнее будешь. С завтрашнего дня будешь отдавать половину от всех находок, понял? Скажи спасибо, что у нас хорошее настроение и мы тебе ребра не переломали. Пошли, покажешь, что у тебя в палатке, – добавил он.

Поняв, что все его труды пошли насмарку, Иннокентий ударился не то чтобы в панику, но в протест. Кровь в его жилах заиграла. Он не сомневался, что мордороты прошмонают палатку и найдут и те несколько монеток, которые ему попались вчера и которые он не успел еще реализовать.

Сегодня нужно было забивать баллоны, а денег почти не осталось. Да это просто грабеж среди белого дня! Три красные насмехающиеся рожи поплыли у него перед глазами.

– Ну, чего стоишь? – с угрозой в голосе сказал Леха, видя, что Иннокентий не двигается с места. – Тебе помочь?

Он посмотрел на своих подручных.

Иннокентий не стал ждать, пока ему «помогут». Слабо отдавая себе отчет в своих действиях, он метнулся к Лехе.левой рукой ухватил мешочек со своими находками, болтавшийся на его запястье, а голову вонзил в толстое брюхо брата. Леха успел только громко охнуть.

Иннокентий упал вместе с ним, но, перекатившись через голову, тут же вскочил на ноги, сжимая мешок с находками в руке. Лехины приятели, видно, не ожидали от Иннокентия такой прыти. Они на секунду замешкались, потом один из них наклонился к своему старшему товарищу, а второй сделал движение в сторону Иннокентия.

– Ну, сука, ты сам напросился! – рявкнул он и бросился на Иннокентия.

Только тот оказался проворнее. Он врезал приблизившемуся братку по яйцам и, разбежавшись, нырнул в воду. Проплыл под водой метров пятнадцать, вынырнул и оглянулся. По берегу с пистолетом в руке метался взбешенный Сальмон – тот, которому повезло больше остальных – и орал благим матом.

– Вернись, падаль, мы тебя все равно уроем! Сука потливая! Теперь тебе не жить! Ты на кого руку поднял, шваль?!

Леха и браток, которому Иннокентий зарядил в пах, видно, еще громко говорить не могли, хотя Леха пытался подняться на ноги. Его приятель лежал на песке, свернувшись калачиком, зажимая руками свои гениталии.

Сальмон передернул затвор пистолета, забежал по колению в воду и прицелился в Иннокентия, но Леха его остановил.

– Ты что, придурок, засветить нас хочешь? – проурчал он. – Опusti пушку.

– Леха, да он же... эта гнида... А-а-а... Все равно не уйдешь, говнюк! – заорал он, отчаянно размахивая пистолетом в воздухе.

Потом вдруг выбежал на берег, спрятал пистолет в карман и ринулся к палатке. Налетев на нее, принялся с остервенением кромсать ее ножом.

Не став ждать окончания представления, Иннокентий лег на грудь и поплыл в открытое море. Он запретил себе ду-

мать о том, что его ждет и как он выкрутится из создавшегося положения. Рассекая поверхность воды сильным движением рук, он плыл и плыл все дальше от берега. Эти простые движения и освежающая вода заставили его немного успокоиться. Проплыв несколько сотен метров, он перевернулся на спину и, раскинув руки, лег на воде. В чистом голубом небе розовато-белыми треугольниками плескались чайки. Изредка одна из них отвесно падала на воду и снова взмывала в воздух, держа в клюве мелкую рыбешку.

Теперь можно было спокойно подумать. Положение было аховое. Так сперва показалось Иннокентию. Он поднял голову и поглядел в сторону берега.

Серо-зеленый джип все еще стоял на том месте, где еще недавно была палатка. Теперь ее уже видно не было. Эти парни наверняка обнаружили те монеты, что он нашел вчера. «Дурак, – мысленно выругал себя Иннокентий, – нужно было хотя бы закопать их в песок».

Эти люди ведь могут дожидаться его до самого вечера... Не может же он плавать сутки напролет! Как назло, засосало под ложечкой – Иннокентий сегодня даже не позавтракал. Нет, нужно возвращаться. Только не на старое место, где его поджидали бандиты, а плыть за утес. У него еще есть немного денег, да и сегодняшние находки, которые удалось отобрать у бандитов, тоже кое-чего стоили.

Когда решение было принято, Иннокентию стало легче на душе. Оказывается, все не так уж и плохо. Он уже не думал о

том, как он в одних плавках будет добираться до камеры хранения, что будет делать дальше. Кривая выведет. Куда-нибудь. Хорошо еще, что номерок от камеры хранения был у него на шее. Он проверил, на месте ли цепочка, и поплыл дальше.

* * *

Утес, за который Иннокентий решил перебраться, выступал в море метров на двадцать-тридцать и протянулся вдоль побережья примерно на сотню метров. Добраться сюда с берега было проблематично, если вообще возможно, так как от берега его отделял поросший густым лесом невысокий холм.

Так что братки вряд ли сюда проберутся на своем джипе. Да и не видели они, куда он направлялся.

Впрочем, место оказалось не совсем необитаемым. Еще издалека Иннокентий заметил у берега что-то вроде небольшого рыбацкого баркаса. Что он тут делал, было не вполне понятно, так как местность кругом была пустынной. Нащупав ногами дно, Иннокентий медленно пошел к берегу.

Он шел тихо, поэтому она его сразу не заметила. Прикрытая со стороны моря баркасом, на песке, подставив спину солнцу, лежала нимфа. Легкий золотистый загар ровным слоем покрывал ее стройное тело, только светлые пятки розовели, как мясо креветок. Тяжелые каштановые волосы падали на спину тяжелым каскадом. Как и положено нимфе,

она была совершенно голой. Перед ней валялась какая-то книжица, страницы которой она переворачивала с томной грацией. Иннокентий невольно залюбовался незнакомкой.

Словно почувствовав его взгляд, нимфа лениво обернулась.

– Блин, нигде от них не скроешься, – без тени смущения произнесла она и снова принялась за чтение.

Иннокентий продолжал молча стоять, переваривая услышанное.

Нимфа ожила и заговорила современной прозой.

– Ну что, так и будешь стоять? – Нимфа как бы нехотя перевернулась на спину и села, опершись руками на песок.

Груды у нее были тоже что надо. Не слишком большие, но высокие, с темно-коричневыми кругляшками вокруг сосков. Черные волосы на лобке аккуратно пострижены в виде прямой полоски, заканчивающейся между ног. Немного подумав, она достала из-за спины книгу и положила ее на полоску. И рассмеялась своему запоздалому стыдливому жесту.

– Что это у тебя? – Едва шевеля пухлыми губами, она уставилась Иннокентию чуть ниже живота.

– Что? – Он посмотрел вниз и только теперь вспомнил, что сунул в плавки мешок с находками. – А это... – Он быстро выудил из плавков мешок и спрятал его за спину. – Так лучше?

– А ты ничего. – Нимфа беззастенчиво разглядывала Иннокентия. – Ладно уж, садись, раз пришел.

Она подвинулась, уступая ему место на тонкой хлопчатобумажной подстилке.

– Иннокентий, – слегка смущенно представился он, присаживаясь рядом. – Можно просто Кеша.

– Галина, – улыбнулась нимфа.

– А тебя что, тоже ограбили? – Он посмотрел по сторонам, ища ее вещи и не обнаруживая даже кончика пояса или туфли.

– Почему «тоже»?

– Потому что меня только что грабанули. Трое на серо-зеленом джипе, – уточнил он.

– Такие мордастые? – Галина поднесла ладони к своим бархатистым щекам.

– Ага, – кивнул Иннокентий.

– Это Леха, «шестерка» Хазара, – усмехнулась она.

– Ты их знаешь? – осторожно поинтересовался Иннокентий, сомневаясь: не вляпался ли он снова.

– Немного, – уклончиво ответила Галина. – Чем же ты им не угодил? – в свою очередь спросила она.

Решив, что скрывать все равно бесполезно, Иннокентий в двух словах изложил ей суть проблемы.

– Я мешок схватил – и в море, – закончил он, – потом лодку твою увидел.

– Так ты Лехе по яйцам залепил? – весело рассмеялась она. – Молодец! Теперь он из тебя шашлык сделает.

– Это мы еще посмотрим, – угрюмо произнес Иннокен-

тий, – но сперва мне нужно как-то решить проблему с одеждой. Немного погреюсь, пойду погляжу, может, что-нибудь оставили.

– Вряд ли, – продолжая улыбаться, покачала головой нимфа, – ты их сильно огорчил, мягко выражаясь.

– Надеюсь, ты не собираешься меня заложить?

– Еще чего! – фыркнула она. – Сам-то откуда?

– Раньше жил в Анапе, довольно давно. Теперь здесь ни родных, ни знакомых не осталось.

Иннокентий вдруг уловил теплый аромат, поднимавшийся от плеча Галины.

Втянув ноздрями эту смесь нагретой солнцем кожи, соли и водорослей, он перевел взгляд на ее ничем не прикрытые груди. Они торчали совсем как вымя у козы, вперед и немного в стороны. Галина слегка поводила плечами во время разговора, а груди соблазнительно колыхались в такт ее словам. Иннокентий, стараясь не показывать своего любопытства, скользнул взглядом по плоскому животу, к тому месту, где лежала книга.

Галина все-таки заметила его интерес и, подняв голову, в упор посмотрела на Иннокентия. У нее были большие карие глаза с длинными ресницами, выгнутые дугой брови и прямой нос с тонкими крыльями. Она высунула язычок и провела им по пухлым губам, словно они у нее пересохли.

Иннокентий почувствовал зарождавшееся желание. Несмотря на перипетии сегодняшнего утра, долгое вынуж-

денное купание и неожиданную встречу. Он ощутил знакомое напряжение в нижней части живота.

– Что смотришь? – Галина глубоко вздохнула, заморгала глазами и поправила рукой книгу, прикрывавшую черную полоску на лобке.

Иннокентию показалось, что она наконец смутилась. Это ее смущение еще больше возбудило его. Зарыв пятерню в копне каштановых волос, он притянул к себе ее голову и впился своим ртом в ее губы. Почувствовал на языке привкус соли.

К его удивлению, Галина не стала сопротивляться. Наоборот, она прильнула к нему, обвив его шею и торс сильными руками. Ее язык быстро задвигался у него во рту, щекоча десны и пробегая по зубам. Ее острые грудки с напрягшимися сосками скользили по груди Иннокентия. Не выпуская друг друга из объятий, они повалились на подстилку. Их соитие было страстным и быстрым, будто они долго-долго ждали встречи друг с другом, хотя познакомились лишь несколько минут назад. Иннокентий даже не успел до конца стянуть плавки, и они болтались где-то на коленях.

Галине же вообще нечего было снимать. Иногда это очень удобно. Книга, прикрывавшая ее лоно, свалилась сама собой в тот момент, когда Иннокентий потянул к себе ее голову.

Он бурно кончил, ощущая, что на нее тоже волнами накатывает оргазм.

Горячее тело девушки начало дергаться в конвульсиях,

она вонзила в его спину острые ногти и застонала, приподнимая бедра и водя ими из стороны в сторону. Потом ослабленно упала, закрыв глаза и блаженно улыбаясь. Иннокентий скатился с нее и лег рядом, раскинув руки в стороны.

Полежав несколько минут без движений, Галина поднялась на ноги и быстро пошла к воде. Иннокентий прищурился, наблюдая за ее крепкой фигурой, облепленной песком. Подождав, когда она нырнет в море, он натянул плавки и двинулся следом.

– Запомни, это ничего не значит, – сказала Галина, когда, выкупавшись, они сидели на берегу.

Слегка обсохнув, она подошла к лодке, достала и натянула вылинявший сарафан, который едва прикрывал ей бедра. Он свободно болтался на ней, отвечая на малейшее дуновение ветерка.

– А я и не думаю, – Иннокентий пожал плечами и улыбнулся.

– И не лыбься как идиот, – строгим голосом произнесла она.

– Пожалуйста, – он снова улыбнулся.

Она повела плечами.

– А ты неплохо трахаешься, – вдруг сказала Галина.

– Ты тоже.

– Еще раз предупреждаю, что это ничего не значит.

– Угу, – кивнул Иннокентий уже без улыбки. – Но помочь-то мне ты в состоянии?

– Смотря в чем...

– Не могу же я в таком виде появиться в городе. – Он окинул себя красноречивым взглядом и развел руками. – Впрочем, нужно еще поглядеть, может, Леха оставил мне что-нибудь из одежды.

– Сомневаюсь, – усмехнулась она. – После того как ты с ним обошелся...

– И все же посмотреть нужно.

– Поехали, – Галина поднялась, подождала, пока встанет Иннокентий, взяла подстилку и направилась к моторке.

Он направился за ней, но вспомнил про свои находки.

Полузакопанный мешочек торчал из песка рядом с тем местом, где они сидели. Галина уже стояла на корме. Он толкнул легкую посудину на воду и запрыгнул сам.

– Вон там, – показал Иннокентий на берег, когда они обогнули утес. – Кажется, они убрались.

Джипа на берегу не было. Галина умело направила лодку к берегу. Иннокентий первый спрыгнул с носа моторки и пошел к тому месту, где еще недавно была разбита его палатка. Ребята оттянулись на славу. Палатка и все ее содержимое было искромсано расвирепевшими братками. Из самого крупного кусочка синего брезента можно было при желании сшить небольшую панамку на ребенка. Из располосованных штанов, еще довольно новых, не получились бы даже плавки. Алюминиевая походная посуда была помята так, словно по ней проехался танк. Посмотрев на следы автомо-

бильных покрышек, Иннокентий понял, что был недалеко от истины. Эти отморозки несколько раз проехали по месту стоянки на своем тяжелом джипе.

Правда, нигде не было видно аквалангов. Братки либо утопили их в море, ибо с толстостенными баллонами трудно было что-либо сделать даже при помощи джипа, либо взяли с собой. Зачем оставлять хорошую вещь?

– Да, дела... – услышал он за спиной голос Галины. – Видно, они сильно на тебя обиделись.

– Варвары, – презрительно бросил он, пытаясь отыскать найденные вчера монеты.

– Ты что-то ищешь?

– Так, мелочь.

Он перерыл все, буквально просеивая песок сквозь пальцы, но монеты как сквозь землю провалились. Парни знали, зачем он сюда приехал...

– Сволочи.

Иннокентий со вздохом направился к лодке. Усевшись на банку, он поставил локти на колени, а голову опустил на ладони.

– Не дрейфь, Кеша, – Галина зашла по колено в воду и встала рядом. – Думаю, у брата найдутся какие-нибудь штаны и майка.

Ну-ка, помоги.

Она налегла на лодку, пытаясь сдвинуть ее с места.

Иннокентий выскочил из лодки.

– У тебя что же, совсем ничего не осталось? – перекрикивая тарактеные мотора, спросила она, направляя лодку вдоль берега.

– Немного денег и документы, – он показал на алюминиевый номерок, болтавшийся на шее. – В камере хранения.

– На что же ты собираешься жить?

– Нужно кое-что продать, – он показал мешочек с находками.

ГЛАВА 2

«Митридат старался использовать материальные богатства Боспора для борьбы с Римом. По словам Страбона, он получал с Боспора дань в размере ста восьмидесяти тысяч медимнов хлеба и двести талантов серебра, то есть семь тысяч двести тонн хлеба и четыре тысячи девяносто четыре килограмма серебра. На войны с Римом Митридат расходовал огромные средства. Но борьба его против Рима была неудачной. Во время третьей, последней войны, которая тянулась десять лет и закончилась поражением Митридата, правителем Боспора был его сын Махар.

В критический для Митридата момент Махар изменил отцу, перейдя на сторону римлян. Возвратившийся на Боспор через Кавказское побережье Митридат убил Махара и взял в свои руки правление Боспором. Митридат заключил союзы с вождями многих соседних с Боспором варварских племен.

С некоторыми он даже породнился, обручив с ними своих дочерей. Готовясь к новой войне с Римом, Митридат увеличил поборы с населения. Он стал набирать в армию рабов, чем вызвал недовольство торгово-рабовладельческой верхушки боспорских городов».

Отрывок из исторического труда прочно засел у профессора в мозгу.

Он без конца мысленно цитировал его. Что больше всего

поражало его?

Финансовые возможности Митридата, его хитрая дипломатия, прагматический подход к вещам, его жестокость или упорство, с которым боспорский царь противостоял могущественному Риму?

Профессор даже шевелил губами, в который раз пересказывая самому себе текст. Он едва улавливал смысл происходящего. Прокопченное солнцем лицо его собеседника рассыпалось лежалой медной монетой.

Южное солнце нещадно шлифовало лысый череп мускулистого здоровяка лет сорока пяти. Его сирийская наружность бросилась бы в глаза, находишься он даже на шумном воскресном рынке. А тут, в окружении молчаливых надгробий, его загорелая физиономия сияла ярким смуглым пятном и представлялась настолько живой, что стоявший с ним рядом высокий седовласый субъект всякий раз отводил глаза, когда хищный взгляд лысого собеседника подобно коршуну вгрызался в его плоское, обремененное тяжелыми очками лицо. В палящей немоте кладбища дятловой дробью звучал молоток угрюмого неразговорчивого скульптора, высекавшего розы на мраморе.

– Я это... вначале хотел ту тетку у Пашки на могиле поставить, – озабоченно морщил исполосованное мимическими морщинами чело лысый, – как ее...

– Деметру?.. – раздосадованно подсказал профессор.

– Вот-вот, Деметру, мать ее, – лысый раскорячил паль-

цы, – здорово бы было: баба будто бы в трауре, в платке, понимаешь...

– Под покрывалом, – скрывая раздражение, поправил его профессор.

– Какая разница! – сплюнул лысый. – Главное, видно, что ей жизнь не в кайф! Видишь, что-то ей не нравится. Только больно маленькая, блин... Размерчик не тот... От соседней могилки не будет видно... – Он вздохнул, буравя орлиным взором сосредоточенное лицо работающего рядом скульптора.

– Да это же эклектика какая-то! – фыркнул профессор. – К розам и ангелочкам лучше подошла бы фигура Девы Марии, тем более что это практически одно и то же.

– Это как сказать, – напуская на себя важный вид, возразил лысый и скосил глаза на своих телохранителей – флегматичного вида бугаев, лениво пережевывающих жвачку. – Ты же сам распинался:

Греция... крутизна... третий век до нашей эры!.. А теперь говоришь эк... эк... – мучительно вспоминал он произнесенное профессором слово.

– Эклектика.

– В общем, хреново, – перекошил морду Хазар. – Так и скажи. А я тебе говорю: если вещь клевая, то плевать мне на эк... эк... в общем, на все твое ученое фуффло. Пашка орел был! Сгинул, правда, по глупости, сам на пулю нарвался. Но это дело прошлое. А теперь самый черед о его комфорте по-

заботиться, о всех надлежащих ему почестях...

Я бы и бабу оставил, если бы такой мелкой не была. Но я по мелочам не размениваюсь! Пашка ведь не просто моим другом был, мать его, он мне как брат, твою мать, умер как человек, пусть и лежит как им положено. То есть покойникам. Чего смотришь? – лысый неприязненно покосился на профессора.

Тот тоскливо пожал плечами. Он отваживался спорить с Хазаром, но переубедить авторитета было невозможно. И спор оборачивался скучной констатацией собственного бессилия.

Вспыхивающее серебряными бляшками море слепило глаза. С левой стороны пологими ступенями поднимался покрытый зеленой виноградной парчой холм. Крохотные домишки, уходившие за горизонт, терялись среди развесистых буков, обвитых плющом и лианами. Тонкие черные свечи кипарисов, выстроившихся траурным рядом, казалось, были глухи к солнечному свету, оставаясь непроницаемо прямыми и угрюмыми. Внизу же, в сотне метров от моря, покачивались на ветру заросли мушмулы. Ее большие, причудливо изрезанные листья сливались в единый малахитовый полог. К западу теснились понтийские рододендроны, вверх по склону взбирались папоротники, прячущиеся от солнца в густой листве старых грабов.

Но знакомый пейзаж не вдохновлял профессора. Его мысли были заняты иным.

– И все-таки... эта мраморная плита очень ценный экспонат... – задумчиво и безнадежно проговорил он.

– Вот пускай Пашка из того мира и любитесь, – Хазар отогнул большой палец и тыкнул им вверх. – Знай, Паша, – теперь он задрал голову и простер руку в небо, – я тебя как родного любил. И вот, смотри, ничегошеньки не жалею, мать твою... А ты, блин, осел, башку под пулю подставил! Если б умней был, сидели бы мы с тобой у меня, на веранде, винишко потягивали, да на все это добро, – кивнул он в сторону плиты, – любовались. А теперь вот лежишь тут, – помрачнел Хазар, – без дела...

Он протяжно завздохал. Оглядев свои туфли, медленно поднял взгляд на профессора. Тот неодобрительно молчал. Конечно, мраморная плита с барельефом четвертого века до нашей эры смотрелась монументальнее и роскошнее крохотной терракотовой статуэтки Деметры. Протома греческой богини плодородия датировалась третьим веком до Рождества Христова и была сама по себе примечательной вещью. Но подобные статуэтки Деметры и ее дочери Персефоны, изображенных с накидкой на голове, со сложенными на груди руками, имели с исторической и эстетической точки зрения меньшую ценность, чем плита. Хотя для Хазара имело значение иное обстоятельство – плита превосходила статуэтку размерами.

– Эта баба, – Хазар снова наморщил лоб, – уж больно Пашкину мать напоминает! – показал он на Деметру. – Я и

подумал: пусть на могиле стоит, как вечная память. Ну вроде мать его оплакивает... А она, сука такая, больно маловата! А Пашка правильным пацаном был, так ему и памятник нужен соответственный. Эх, Пашка-Пашка, ты ж мне братом был...

В голосе авторитета дрогнула надрывная струна, которая не могла, впрочем, обмануть профессора. Тот хорошо усвоил, что подобные проявления чувств у авторитета – часть перманентной игры.

– Деметра – греческая богиня плодородия. Она грустит оттого, что ее дочь Персефону похитил Аид, живущий в царстве мертвых... – хотел было разъяснить Арсений Адольфович, но Хазар бесцеремонно перебил его.

– Это уже киднепинг, – глухо рассмеялся авторитет, – это к нам не относится. Мы такими вещами не занимаемся. Разные там... ну, как они... не педики, а эти... – он выставил клешней руку и, растопырив пальцы, зашевелил ими, подыскивая слово.

– Педофилы, – вздохнул Арсений Адольфович.

– Ага, – мотнул головой Хазар. – Это не наши люди.

Профессор поморщился. Полным скорби взором смотрел он на драгоценную плиту, прислоненную телохранителями к ближней ограде.

На ней была изображена сцена загробного пира: мужчина возлежал на ложе, перед ним стоял столик, рядом сидела женщина, повернувшаяся к мужчине, в стороне – группа людей. Возле них находился алтарь, на котором возвышался

сосуд. Здесь же застыл человек с приготовленным для жертвоприношения бараном. Вдали, в окне, виднелась голова лошади.

Пилястры с капителями по обеим сторонам рельефа ограничивали пространство, заставляя зрителя думать, что загробный пир происходит в храме или герооне, а главным персонажем является божество или возведенный в героический ранг умерший.

– Ты, Адольф, слишком глубоко копаешь, – усмехнулся кривым узким ртом Хазар, обращаясь к профессору. – Мы люди простые, нам ни к чему в тонкости вникать. Помни, зачем ты здесь... Объяснять мне должен, показывать... А уж с памятниками мы сами разберемся.

Ты же сам сказал: плита привезена из этой... как ее?

– Аттики, – разомкнул уста профессор.

– Во, – восторжествовал Хазар, – импорт, значит.

А эта, мать ее, Де...

– Деметра.

– Ага, – кивнул Хазар, – она отсюда, из здешних мест. Наши предки, забодай их комар, ее, эту Деметру, варганили. Те самые, чьи прапраправнуки сейчас «Анапу» глушат... – Он загоготал. – А я Пашке все лучшее хочу предоставить, пусть и посмертно. Ты вот думаешь: умер он, Пашка, и так сойдет... Поставим Божью Матерь – и ладно... – ткнул он мясистым пальцем в Деметру. – А эту дурь заморскую, – он кивнул на мраморную плиту с барельефом, – нашим друж-

кам москвичам или туркам загоним за хорошие бабки. Какой прок от такого шика жмурикам... Ведь так?

Холодные, посверкивающие зимним солнцем глаза авторитета заглянули в окаменевшее лицо Арсения Адольфовича.

– Я все понимаю, – продолжил после паузы Хазар, – ты – профессор, во всех этих костяшках да черепках лучше всех сечешь... Но и меня пойми, – притворно улыбнулся он, разыгрывая демократа, – я для Пашки ничего не пожалею. Правильно, Юрок?

Он бросил покровительственно-пренебрежительный взгляд на скульптора.

– Арсений Адольфович прав, – не согласился тот, отложив молоток и взявшись за резец, – с ангелами нужно поставить Деву Марию.

– Или Иисуса Христа, – сардонически усмехнулся Хазар и вдруг одним рывком расстегнул верхние пуговицы желтой, в черных перевитых стеблях, шелковой рубашки.

На его массивной потной груди висел золотой православный крест немалых размеров. Его-то Хазар и схватил. Но не это широко разрекламированное золото жгло зрачок профессора. Под крестом, на чуть более тонкой цепочке, сияла старинная серебряная монета. Опытный взгляд Арсения Адольфовича определил, что монета синдская, датируемая пятым веком до нашей эры.

Синды, которые были культурнее окружающих их народов

Северного Причерноморья, чеканили монеты исключительно из серебра. Их продукция отличалась безупречным качеством чеканки. На лицевой стороне этой был изображен Геракл, одетый в львиную шкуру. У Арсения Адольфовича имелась аналогичная, только с изображением грифа, сидящего перед крупным зерном. Профессор бесконечно дорожил ею и тщательно прятал от чужих глаз. Арсений Адольфович не знал, кто поведал его новому покровителю о ценности, которую представляла синдская монета с изображением Геракла. Хазар постоянно носил ее на груди, как амулет, нимало не смущаясь тому обстоятельству, что соседство старинной языческой монете составляет православный крест.

– Думаешь, я в бога не верю? – Потрясывая крестом, Хазар переводил горящий взор со скульптора на профессора, что тоже было частью мизансцены. – Думаешь, мне влом Иисуса соорудить? Да я если захочу... – он осекся, повернувшись к плите. – Но что это будет за Иисус?! Нынешние каменотесы ни на что не годны!

Юра сцепил зубы. Внутри у него звучал стих Микеланджело:

Не правда ли, примерам нет конца,
Тому, как облик, в камне воплощенный,
Пленяет взор потомка восхищенный
И замыслом, и почерком резца...

Он весь день, как Отче наш, повторял эту строфу, успокаивая нервы.

Иначе бы взорвался, бросил молоток и наконец высказал спесивому лысому уроду, что он о нем думает. Да-да, он послал бы куда подальше кудлатых пухлых ангелочков, наплевал бы на пустоцветные розочки и дубовые ветви и без сожаления простился бы с неряшливо-помпезными надгробиями, от которых даже покойникам душно...

– Но ты сам сказал, – повернулся Хазар к профессору, – что эта плита – круче всех крестов и статуй! Или не так?

Арсений Адольфович пожал плечами.

– И потом я подумал: на хер спонадобились Пашке слезы-сопли на могиле? Пусть лучше у него на могиле бухают, – авторитет шелкнул себя по горлу указательным пальцем, – пусть весело ему будет! Мало того что его черви грызут, так еще плаксивых баб над ним ставить?! А эти, – он снова взглянул на античную плиту, – нормально время проводят. Вон и баран у них наготове. Вдарят, барана зажарят, песню споют... Не-ет, – с восхищенным уважением произнес он, – умели эти греки жить!

Юра с еще большей сосредоточенностью застучал молотком по зубилу.

Рука соскользнула. Он слишком сильно ударил. Большой кусок отвалился, сведя на нет многочасовую работу. Он чуть не вскрикнул от досады.

Но Хазар ничего не понял. Он был упоен собой и древни-

ми греками, к коим чувствовал все большую симпатию. Любые их побрякушки, которые откапывали в земле или находили в море, стоили столько, сколько мог потянуть грузовик патронов к «калашу» или сотня ящиков местного марочного вина.

Профессор мыслил другими категориями, бесспорно, более грандиозными, при всей их ностальгической окраске. Он стоял посреди обычного городского кладбища, но перед его внутренним взором, поднятый из-под земли силой воображения, вырастал древний «город мертвых».

Воображение соединяло в цельное полотно отдельные куски, отвоєванные у забвения неусыпными раскопками некрополя. Профессор закусывал губу, сокрушаясь о том, что не родился несколькими десятилетиями раньше.

И тогда слава Веселовского, ведущего раскопки горгипийского некрополя, досталась бы ему. Он бы стал одним из первых, кто увидел скрытые во тьме курганов сокровища Древнего Мира. И если бы даже на его долю выпали раскопки того самого располагающегося в восьми с половиной километрах от Анапы кургана, который был разграблен, все равно его имя красовалось бы на страницах исторических монографий.

Да и этот разграбленный курган таил в своей глубине немало открытий.

Чего стоила только одна штукатурка с многоцветной росписью, выполненной в технике фрески! Сложенный из боль-

ших плит местного камня, склеп был сооружен в третьем веке до нашей эры. Роспись его потолка, имевшего полуциркульную форму, в подражание арке, воспроизводила цвет голубого неба, а на стенах были изображены крупные каменные квадраты, из которых складывали ограды героонов – святилищ. В склеп вел длинный подземный коридор – дромос.

А что уж говорить о другом раскопанном кургане, находящемся к юго-западу от Анапы. В отличие от других его окружали ров и вал. В насыпи археологи обнаружили раскрашенную голову известняковой скульптуры, скорее всего Аполлона. Под насыпью имелись две каменные гробницы. Одна из них поражала своим богатством. В том числе была найдена чернолаковая ваза с рельефными украшениями, характерными для второго века до нашей эры. Археологи откопали также кожаную подошву от обуви и детскую поилку – маленький сосуд с носиком – гутус. В гробнице покоились останки девочки.

Было найдено более ста шестидесяти украшений – серьги в виде крылатых фигурок Эрота, цепочка, бусы, три перстня с самоцветами и египетский амулет – скарабей в золотой оправе, а также пантикапейская монета. Одна чернолаковая греческая ваза могла сделать нашедшего ее археолога сказочно богатым!

Арсений Адольфович почувствовал, как увлажнился его лоб и ладони.

Он негодовал и печалился по поводу найденных другими

сокровищ, словно забыв, что в годы советской власти контроль государства над раскопками был абсолютным. Забыл он, палимый ненасытимой алчностью, еще и то, что в его доме хранились, заточенные в плен его жадных зрачков и тайных помыслов, не только чернолаковые вазы, терракотовые статуэтки, куски барельефов и монеты, но и золотые изделия. Греческие и боспорские.

Вид доставшихся другим или переданных государству богатств застилал его взор облаком. В этом облаке маячили куски исторических текстов, где каждая буква сияла оправленным в золото сердоликом.

«Геродот в пятом веке до нашей эры описал сцену похорон скифского царя. Бальзамированное тело умершего провезли по землям подвластных племен, которые присоединились к траурному шествию. После этого в особом районе, отведенном под царское кладбище, тело царя погребли в большой четырехугольной яме, опустив его на специальной подстилке.

По сторонам воткнули копья, которые должны были поддерживать настил из досок и камыша. В могилу положили одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также слуг – виночерпия, конюха, повара, вестника и др. Сюда же опустили убитых лошадей и других домашних животных и поставили золотые чаши. После этого все вместе насыпали большой земляной холм, чтобы насыпь получилась как можно выше».

Профессора начинал бить озноб, когда он представлял себе полчища грабителей, которые ринулись в девятнадцатом веке на раскопки курганов. Они забивали шурфы, не зная точного расположения гробниц под курганами, проламывали перекрытия и иногда, не успев выбраться на поверхность через узкие лазы, оказывались вместе с награбленными сокровищами навсегда погребенными под комьями земли. Большинство курганов было разграблено, но некоторые все же уцелели и по сей день хранят свои тайны.

Голова у Арсения Адольфовича закружилась, едва он вообразил объемы неразграбленных сокровищ. На этот раз он сожалел, что молодость покинула его, что в его теле поселились слабость и недуги. Искривленный в ходе многочасовых бдений над научными текстами и расшифровками позвоночник не терпел больших нагрузок. Вот если бы у него был сын, наследник его помыслов и проектов! Он бы смог завещать ему не только жгучий интерес к курганам, но и скопленные на протяжении многих лет ценности!

– Жаль, не успел Пашка сделать сына! А жена... – Хазар презрительно выпятил нижнюю губу. – Разве можно бабам доверять?!

Арсений Адольфович перевел на него мутный взор, который все это время бороздил океан минувшего. Профессора одолевала скука. Солнце поливало кладбище жидким золотом, равнодушное к чаяниям долговязого седовласого человека и к тому обстоятельству, что сошедший в царство Аида

мафиози не обзавелся наследником. Двадцать пять веков назад оно с таким же безучастным видом глядело на похоронные процессии боспорян, на погибающих в жестоких схватках скифов, греков и меотов, на процессии перед храмами, на заходящие в Синдскую гавань корабли. Спустя несколько веков оно также зевало, обливаясь желтым потом и наблюдая, как Горгиппия рушится под натиском пришедших с севера и востока варваров – готов, аланов, гуннов. А потом были еще Византия, гунны, венецианцы, хазары, турки, русские...

Арсений Адольфович вспомнил, снова нырнув в прошлое – на этот раз тридцатилетней давности, – как, будучи студентом, принял участие в городских раскопках. Через весь город была проложена широкая и глубокая траншея. В бортах ее на одном и том же уровне был отчетливо виден слой пожара. Обгорелые перекрытия домов, обрушившиеся на полы помещений вместе с черепичными кровлями, разрушенные стены из сырцового кирпича, которые, выйдя из огня, приобрели оранжево-красный цвет, зола, угли.

История царства слиплась в черно-красный ком, уйдя под землю, отдав другим поколениям людей пространство, которое в дальнейшем тоже должно было осесть, чтобы, уйдя подобно семени в почву, вызвать к жизни новую цивилизацию. Не эта ли мысль была заложена в зародившейся в Ассирии и Египте легенде?

Хлопнувшие дверцы подъехавшего к кладбищу джипа

остались по другую сторону сознания профессора. Но сухой и твердый звук автомобильной дверцы отразился на лицах Хазара и двух его телохранителей гримасами нетерпеливого ожидания. Хазар ждал возвращения с пляжа своих людей, а телохранителям было невыразимо скучно. Если профессор развлекался тем, что вспоминал пережитое и прочитанное, то такого запаса впечатлений у этих ребят не было. Вся их жизнь, если судить ее исходя из критерия духовной наполненности, могла бы уместиться на одной стороне монеты.

В то время как братки обратили взоры к проходу среди могил, где маячили светлые рубашки их товарищей, в глубине сознания Арсения Адольфовича критскими сокровищами со дна сгинувших эпох всплывали монеты, керамика, амфоры, найденные им в слое золы и камня. Он видел десятки разрушенных домов, остатки погибшей винодельни и плиты мощеных дворишков. Гончарная печь, полная золы и углей, чье тепло по прихоти варваров было сметено всепожирающим пламенем пожарищ, таила в себе горшочек с ручками в виде стилизованных зверюшек, который гончар не успел вытащить. Это свидетельство прерванности спокойной жизни силой исторического масштаба (в лице варваров) отозвалось в душе студента Арсения пронзительной болью. Он видел себя откапывающим пифосы и амфоры, вернее, их осколки.

Вазы были раздавлены обрушившимися на них кирпичами и балками. И снова монеты – третьего века нашей эры, времени гибели Горгииппии.

– Ну, что вы на это скажете, уважаемый профессор? – Хазар держал на раскрытой ладони три серебряные монеты и одну медную, которые его подручные обнаружили в палатке Иннокентия.

Это были монеты времен правления Митридата Шестого Эвпатора. Сердце в груди Арсения Адольфовича подпрыгнуло, а потом слетело на дно желудка.

Имя Митридата всколыхнуло его отравленную ностальгическими воспоминаниями душу. Его глаза слезились, но и сквозь влажный туман видел он четкие рельефные изображения на лицевых сторонах серебряных дидрахм – голову Артемиды с бегущим оленем и голову юного Диониса с именем города в центре плющевого венка. Трибола хранила изображение Диониса с тирсом.

Медный тетрахалк, изъеденный проказой времени, являл голову Аполлона.

Медь по выносливости не шла в сравнение с серебром. Во влажной земле медные монеты, сильно окислившись, буквально рассыпались в руках.

Край монеты был волнообразно срезан, но изображение почти не пострадало.

Взгляд зачарованного профессора с трудом оторвался от монет и скользнул по лицам ухмыляющихся братков.

– Мы ему, короче, дали понять, что надо делиться, – докладывал излучающему довольство Хазару мордастый Ле-ха. – Парень вначале заканючил, но мы его образумили, –

хвалился он, – отдал все. Была там еще какая-то свинцовая трубка, мы ее не взяли – хрень какая-то.

– Вы не взяли свинцовую трубку?! – ужаснулся профессор.

– А чего, она тебе нужна? – пожал плечами Хазар.

– Эти трубки хранят письма! Нужно немедленно ее найти! – От волнения профессор перешел на крик.

Хотя крик получился глухим и сдавленным.

– Мне всякие там каракули не нужны, – отмахнулся Хазар, – ты лучше на монетки взгляни. Стоящие?

– Не так чтоб очень, хочу вас разочаровать. Они, конечно, представляют определенную ценность в качестве исторических экспонатов, но возиться с ними предпринимателю такого масштаба, как вы, не стоит.

– Чего он тебе мозги пудрит! – встрял Леха. – Этот аква-лангист нам сказал, что монеты стоящие, парень в институте учился...

Видели б вы его рожу, когда мы у него мешок отняли!

Леха засмеялся грубо и раскатисто. Братки вторили ему судорожным подростковым хохотом. Громкие возгласы выражали восторг и глумление. Братки сговорились не открывать всей правды своему начальнику, которому наверняка не понравилось бы то, что они так лопухнулись. А их надсадный гогот как раз и маскировал их досаду и озлобленность.

Профессор, почувствовав, что раскрыт, напрягся.

– Вздумал мне мозги е. ть, – надвинулся на него Хазар, –

думаешь, если я в институте не учился, меня можно за идиота держать?

На вот, подавись, – он кинул профессору медную монету, – за труды. А серебро я себе оставлю.

Хазар для эпатажа, рисуясь перед своей тупоголовой гвардией, попробовал монеты на зуб. Братки снова разразились громким хохотом. Сплюнув, Хазар сунул монеты в портмоне, которое достал из карманов широких брюк.

– Ну, я эту суку достану, – скрежетал зубами расслабившийся неожиданно Сальмон, – из-под земли достану!

– Замолкни, – шепнул ему Леха.

Но Хазар услышал.

– Ты о ком? – строго спросил он, приковав к Сальмону горящий нетерпеливым любопытством взгляд.

– Да это он так... – неуклюже принялся было оправдывать товарища Леха.

– Затухни! – рявкнул Хазар. – Что за дела?

У него был собачий нюх, у этого авторитета.

– Да парень больно резвый попался, – вымученно улыбнулся Сальмон.

– Вы ж сказали, что образумили его... – Хазар вращал глазами, переводя взгляд с Сальмона на Леху и обратно.

– Уплыл, гнида, – раскололся не выдержавший пристального взгляда хозяина Сальмон, – сука паршивая!

– То есть?

– Ну, мы его шмонать стали, а он мешок с добычей у Лехи

выхватил – и в воду. Но мы его палатку обшарили... Монеты нашли, палатку в клочья изрезали, баллоны отобрали – пусть теперь поплавает, – зло добавил он.

– И куда же этот хрен поплыл? – заинтересованно спросил Хазар.

– В море. Недолго ему осталось, – хмыкнул Леха. – Сальмон его бабахнуть из пушки хотел, чуть нас всех не засветил...

Раздосадованный отсутствием выдержки у Сальмона, а может, и подозревая последнего в желании подложить ему свинью и в недалеком будущем занять место командира, Леха решил выставить своего чрезмерно эмоционального товарища в невыгодном свете. Но Хазар вскинулся именно на Леху.

– С каким-то там дохляком справиться не можешь! – закричал он. – Если ты и дальше будешь ротозейничать, меня, Хазара, всякая шваль будет за равного считать!

Леха подавленно молчал.

– Всякий хлам будет монеты удить, барыши себе в карман класть, а Хазар – пошел на хрен? – вращал глазами авторитет.

– Мы... мы... – потерянно замычал Леха.

– Что вы? – брызгал слюной Хазар. – Что вы можете?

Парень вас кинул, в море уплыл! А ты мне тут эти жалкие монеты выкладываешь, думаешь, я от радости взорвусь! Представляю, что там у него в мешке было, если он плюнул

на все и в море поплыл.

Глаза Хазара хищно сузились, словно он прикидывал в уме вес добытых Иннокентием сокровищ. Он замолчал, раскачиваясь всем корпусом из стороны в сторону. Потом отшвырнул носком туфли белый камень и снова посмотрел на Леху.

– Завтра проверьте этого нырялу, – едва расцепив губы, произнес он. – И если он еще плавает, притопите его.

– Я и предлагал, – неосторожно встрял Сальмон, довольный тем, что его истерический порыв, по сути, совпал с мнением шефа.

– Не убивать, кретин, – обернулся к нему разгневанный Хазар, – а запугать так, чтобы сам все нес. Мне лишние покойники не нужны – хватает разборок с ментами. Думаешь, у меня там свой человек, так он любую мокруху спишет?

Хазар переводил взгляд с Лехи на Сальмона. Его загорелое лицо излучало презрение. Он успокоился так же внезапно, как и вышел из себя. Только теперь, казалось, он заметил стушевавшегося профессора и равнодушно-сосредоточенного скульптора. Последний работал с прежним усердием. Создавалось впечатление, что он страдает глухотой – его скифская физиономия не выражала ни радости, ни досады, ни интереса, ни раздражения. Спокойный, как мрамор под его рукой, он трудился, опаленный солнцем, не думая о цене своего труда.

– Пошли, – сделал Хазар резкое движение головой, обра-

щаясь к своим телохранителям. – А вы, – глянул он на Леху и Сальмона, – проследите за работой. Я жду вас в восемь у себя.

И чтоб без глупостей!

Не удостоив скульптора каким-либо замечанием, по-бычьи склонив голову вперед, он пошел прочь. Телохранители двинулись за ним. У ворот их ждал, как всегда, униженно лебезящий сторож и «шестисотый» «Мерседес» черного цвета.

ГЛАВА 3

Цвета медного купороса, испещренная красными, белыми и зелеными квадратами, ваза с треском разбилась о плиточный пол. Галина невольно вскрикнула.

Иннокентий с удивлением посмотрел на разноцветные осколки. Вот что бывает, когда теряешь голову!

– Это ж моя любимая ваза! – воскликнула девушка.

Иннокентий пожал плечами.

– Купим тебе другую, – с оттенком оскорбительной беззаботности сказал он.

Галина высвободилась из его объятий и села на диване. Минуту она колебалась, потом в ее карих глазах отразился блеск лукавой мысли.

– Так ты поселишься у меня? Я включу стоимость вазы в квартплату.

– А ты не намерена хоть чуть-чуть ее снизить?

– Я беру по-божески, – брыкнулась Галина.

– Все хорошо у Гомера, но лучше всего о Киприде Молвил поэт, золотой эту богиню назвав.

Если с деньгами придешь, будешь мил, и тебя ни привратник Не остановит, ни пес сторожевой у дверей, Если ж без денег ты, встретит сам Цербер...

– Кто написал такую гадость? – с притворным негодованием спросила, надув губы, Галина.

– Антипатр Фессалонийский, – улыбнулся Иннокентий, – македонянин.

Галина пожала плечами и с усмешкой взглянула на Иннокентия. Темные камчатые занавески не могли усмирить поток солнечных лучей. Раскаленные желтые полосы пробивались под ними, пыльной патиной одевая бурую плитку.

В полуоткрытое окно вторгалось дыханье южного полдня, полное запахов нагретых пальм, камней и моря. В жарких волнах ароматов синими маяками пылали васильки, глянцевито поблескивала листва инжира, желто-бурые корневища аира вспыхивали камфорными бликами, фиолетово-розовые двугубные цветы шалфея чуть заметно подрагивали, возводя свою хрупкую радугу над деревенеющим стеблем.

– Если бы ты меня так не отталкивала, ваза была бы цела, – Иннокентий приподнялся и, обвив руки вокруг Галины, потянул ее к себе.

– Все равно я включу ее стоимость в квартплату, – упрямым тоном избалованного ребенка сказала она.

– Я поселюсь, согласен, но с одним условием – ты не дашь мне умереть со скуки.

Девушка погрузила пальцы в его светлые волосы и больно потянула у корней. Иннокентий поморщился. Галина рассмеялась, отпустила волосы и прижалась к Иннокентию. Между их потными телами не мог прокрасться и солнечный луч. Пот был липкий и горький, как сок одуванчика. Галина приоткрыла рот, и язык Иннокентия, подобно змею, про-

лез под ее разбухшее от упоительных игр небо. Девушка не сопротивлялась, но и не проявляла активности. После двух часов подобных забав она чувствовала себя огромным камнем на берегу, изнемогшим от ласк беспокойного моря. Пыл Иннокентия брал свое начало из тайников его подстегнутого опасностью тела. Ситуация, в которой он оказался, была чревата непредсказуемыми последствиями.

Страх, надежда, солнце и красивое тело девушки подстегнули его чувственность.

Его кровь, куда во время заплыва выплеснулось столько адреналина, требовала добавочной порции гормона.

– Я живу не одна, – привстала девушка, – с братом.

– Я понял. Но он уже взрослый мальчик и не будет за нами шпионить.

– Откуда ты взял, что я захочу и дальше спать с тобой? – нахмурилась Галина.

– У тебя нет другого выхода, – усмехнулся Иннокентий, – иначе ты лишишься выгодного постояльца.

– Ты много о себе воображаешь! – шутливо вспылила девушка.

Она «оседлала» Иннокентия, зажав коленями его бедра.

– Давай, покажи класс, – подначивал он ее, – всю жизнь мечтал потрахаться с амазонкой.

– Может, ты еще захочешь оттяпать мне правую грудь? – засмеялась обретшая второе дыхание Галина.

Она склонилась к Иннокентию. Ее глаза следили за рож-

дением и угасанием мелких морщинок возле его улыбчивых глаз. Их лица, как две бродячих луны, затерялись в дебрях ее волос.

Девушка отстранилась, чувствуя между бедер его твердую плоть. Лицо ее стало каменистым, жестким, невнемлющим. Новое бурление страсти отрезало ее от мира. Она была обращена внутрь себя и, казалось, боялась упустить малейший ответ нарастающего в ней желания. А потом все завибрировало: души, тела, стены комнаты и даже разросшиеся в дальнем углу сада кусты можжевельника. Чуткая хвоя вторила биению пульса, настороженно ловила каждое крохотное землетрясение в глубине сомкнутых бедер.

Темп увеличивался. Прислушивание к своим сокровенным глубинам уступило место вакхическому выплеску себя наружу, лишенному стыда совокуплению.

Качка обрушивалась в рывки, из убыстряющегося ритма рождался на миг хрупкий цветок объятия. Жгучая ярость сношения безжалостно сминала его, тела распадались, оставаясь по-животному слитыми лишь там, где слово «проникновение» становится плотским буквализмом.

Галина, как гимнастка, отклонялась назад, до тех пор, пока сохранялась возможность быть слитыми, потом снова нависала над Иннокентием, обдавая его лицо травянисто-солевым запахом волос. В один из таких моментов Иннокентий обхватил ее и перевернул на спину, оказавшись сверху.

Каштановые пряди девушки разметались по зеленому го-

белену. Покрывало с дивана давно сползло на пол, оставшись лежать мягкой грудой на плитке.

Несколько резких толчков и их стоны слились в один радостный протяжный вопль. Сгустками прозрачного сока голоса исторгались из глыбы тел. Иннокентий упал на бок и перевалился на спину, широко раскинув руки. Диван многое повидал на своем веку. Не было нужды тратить силы на то, чтобы разложить его. С бесстыдным покорством шлюхи, он явил голым ногам и ягодицам обе свои потертые половинки, превратившись в тахту.

– Уф, – Галина не могла отдышаться.

Сердце в груди Иннокентия билось так, как будто он сорвался с Эльбруса.

– Значит, решено, – пользуясь его счастливой потерянностью, возобновила она деловой разговор.

– Я не знаю, сколько еще здесь пробуду и целесообразно ли мне селиться у тебя.

– Ты хочешь и дальше жить в палатке? – вскинула брови Галина.

– У меня нет палатки, ты же знаешь, – грустно улыбнулся Иннокентий, – снаряжения тоже нет.

– Тем более, – Галина согнула правую ногу и забросила на нее левую.

– Мне пока нечем тебе заплатить...

– Продай монеты, – хитро улыбнулась она, скосив на него глаза.

– Это займет определенное время. Жаль, была б моя воля, я бы оставил их себе, – вздохнул он.

– А меня все эти находки интересуют только как средство заработка, – отрезала Галина. – Зачем мне эти оболы и драхмы, если, продав их, я могу загорать на солнышке, съездить в Сочи, закупить гору тряпок?

– И это все твои интересы? – не мог скрыть разочарованной усмешки Иннокентий.

– Можно подумать, ты обременен чем-то более серьезным! – Галина надула губы. – Я вот копалась в огороде как-то, прошлась пару раз граблями и медный обол нашла. Полторы тысячи долларов! Все лето бездельничала, купалась, книжки читала... Это лето еще отдохну, а потом придется работу искать. Нет ничего более унылого, чем пахать с утра до вечера, – вздохнула она. – Тебе-то хорошо, ты – мужчина. Купил снаряжение и в одиночку – на берег. А мне одной никуда нельзя. Кругом – толпы сексуальных маньяков. А я девушка видная, – кокетливо повела она ресницами и вслед за этим громко рассмеялась, – мне себя беречь надо.

– Вовсе ты не похожа на невинную барышню, – усмехнулся Иннокентий. – Сама кого хочешь изнасилуешь!

– На что это ты намекаешь? На то, что я тебя сама в койку уложила? – Галина негодуяще лягнула Иннокентия.

– Но ведь не противилась... – иронично подмигнул он.

– Потому что ты мне показался довольно безобидным, – Галина потянулась как кошка, – чем-то вроде маменькиного

сынка. – За добродушную иронию она платила подтруниванием.

Иннокентий игриво ущипнул ее и взял с бамбукового столика сигареты.

Предложил Галине.

– Не курю, – она убрала со щеки прядь, липкую от морской воды и пота.

– Деньги экономишь?

– У меня нет богатых родителей, нет покровителей, нет спонсора.

Приходится зарабатывать самой, – Галина резко мотнула ногой, потом поднялась, желая перелезть через Иннокентия, но он удержал ее, – так что нечего меня подкалывать!

Она высвободилась из его усталых рук и, стараясь не наступить на осколки, прошла к узкому дубовому столу, зажатому между двух окон. На керамическом блюде аккуратной горкой были уложены жареные, посыпанные тертым чесноком ломтики баклажана. Здесь же стояли тарелка с домашней колбасой и сыром, ваза с фруктами. В бутылке из-под клубничного ликера розовело перелитое из бочонка вино.

– Не люблю розовое, но пить больше нечего, – поежилась Галина, плюхнувшись в кресло. – Может, поухаживаешь за дамой?

Иннокентий улыбнулся. Его выдержки хватило лишь на то, чтобы спуститься вслед за Галиной в погреб и достать дедовских времен бочонок. Они наполнили пустую литровую

бутыль и поднялись в холл. На кухне и в столовой шел ремонт, поэтому вино и провизию решено было разместить на столе в гостиной. Едва Галина выставила на него принесенные из кухни яства, хладнокровие Иннокентия дало трещину. Он сорвал с девушки сарафан и овладел ею, прижав спиной к стене.

Теперь Иннокентий с новой силой почувствовал голод, первые спазмы которого сжали его желудок, еще когда он находился в море. Он переместился за стол, подставив стул из бамбука с продавленным сиденьем. Наполнив фужеры домашним вином, провозгласил тост, приведя цитату из Овидия.

– «О, проходили бы так чаще полудни мои!»

– Слова, достойные развратника, – усмехнулась Галина, держа фужер за ножку.

– А как же это: «Будешь читать – не забудь: в этом томике каждая буква создана в бурные дни мною на скорбном пути...»

Развратник имел ранимую душу...

Иннокентий неотрывно смотрел на Галину. Та небрежно улыбнулась углом рта.

– И тебе ли упрекать Овидия в разврате? Ты бы дала ему сто очков вперед, если бы жила в Древнем Риме, – поддел девушку Иннокентий.

Она молча толкнула его в плечо. Иннокентий едва не расплескал вино.

– Расскажи лучше, как ты живешь, чем занимаешься? – спросила Галина, когда они выпили во славу плотских утех.

– Ищу всякий хлам... – с притворным самоуничижением ответил Иннокентий.

– Знаю я, какой это хлам! – подмигнула Галина. – Не держи меня за простушку. Я знаю, сколько стоят синдские монеты, сколько – греческие, сколько те, что чеканили при Митридате, и те, что после...

В ее глазах светилось лукавство. Но, кроме лукавства, Иннокентий рассмотрел в них тонкий хищный отблеск. Драгоценный металл, уподобившись солнечному свету, пролился на лицо Галины и сузил ее зрачки в черную ниточку затаенной жажды. Точно так же солнце превращает кошачий зрачок в иглу, плавающую в жидком янтаре.

– Выгоднее, конечно, их продавать в Питере или в Москве. Только надо знать, кому предложить товар. Здесь все контролирует Хазар со своими охламонами. Так что если пойдешь куда-нибудь, не советую брать с собой монеты. Ты уже засветился, теперь они от тебя не отстанут.

– И ты приглашаешь меня поселиться у тебя? – удивленно дернул правой бровью Иннокентий. – Не боишься за свою безопасность?

– Немножко.

– Тогда прогони меня! – воскликнул Иннокентий.

– Тогда жизнь опять станет пресной, – простонала Галина.

– А ты любишь опасные приключения?

– Конечно, – повела плечами Галина, – жизнь начинаешь ценить только тогда, когда есть повод рискнуть ею.

– Думал-думал, кого ты мне напоминаешь, – насмешливо улыбнулся Иннокентий, – и понял! Философствующую гетеру Аспизию!

– А ты мне напоминаешь неблагодарного кретина, способного испортить настроение женщине, которая сделала его счастливым хотя бы на время, – хмыкнула Галина и потянулась к бутылке.

Иннокентий опередил ее, разлив вино по фужерам.

– Ну зачем же так скромно – «на время»? – продолжил он пикировку, – это не сообразуется с твоим гонором.

– А у тебя-то самого каков гонор! – Галина, кажется, больше не шутила. – Я даю ему кров, тепло собственного тела, – ее губы все же улыбнулись, – угощаю вином, предлагаю дары юга, а он... напрашивается на жирную оплеуху!

– Лишь бы ты меня не выгнала, дева! – шутливо взмолился Иннокентий. – Как, кстати, называется чудное местечко, где ты живешь?

– Маяковка, – промяукала Галина. – И все же, – она пристально смотрела на него, – ты ловко ушел от ответа: чем ты занимаешься?

– Пирожком я позавтракал, отломивши кусочек, Выпил кружку вина, – и вот за пектиду берусь я, Чтобы нежные песни петь нежной девушке милой.

– Гм.

– А я еще сегодня не завтракал, не говоря уж про обед! – разразился он театральной жалобой. – Нет, в отличие от веселого старца Анакреонта, я не слагаю песенок. Я есть то страшное чудовище, которое в народе именуют «черным археологом». Но я не злоупотребляю терпением моей страны, населяющих ее бюрократов, а также мафиози...

– А вот здесь я с тобой не соглашусь – ты уже злоупотребил терпением Хазара, – с оттенком злорадства возразила Галина.

* * *

Почувствовав спазм в области сердца, Арсений Адольфович с трудом сдвинул тяжелую атласную штору влево и распахнул окно. В глаза ему ударила зеркальная голубизна моря. Тонкая песчаная полоска казалась совсем белой. На нее лениво накатывали волны, одевая берег сероватой муаровой бахромой. Ветерок донес камфарное дыхание эвкалипта. Профессор ослабил узел галстука и, облокотившись на подоконник, замер у окна. «Спокойно», – прошептал он, пытаюсь усмирить приступ давящего грудь отчаяния. На миг слезы заслонили от него пейзаж. Маячивший справа утес двоялся, то слишком далеко забегая в море, то отшатываясь и норовя пропороть своим гребнем холмящийся берег. Море превратилось в жидкое серебро, на него не было мочи смотреть.

Арсений Адольфович отпрянул от окна и, чтобы не свалиться, сел в кресло.

Бюст Афродиты-Анадиомены стоял на каминной полке так же естественно, как если бы находился в понтийском храме этой богини или в жилище боспорян. Эта естественность отравляла сознание Арсения Адольфовича, казалась ему подозрительной. Может быть, впервые равнодушие бесценного предмета, покинувшего эпоху создавших и обживших его людей и чудом перенесшегося в безбожный мир коммерции и тотального невежества, вызвало у Арсения Адольфовича столь болезненную реакцию. Извлекаемые из-под руин, из древних залежей золы и камня произведения искусства до сего момента представлялись ему островками цивилизации и культуры, уцелевшими в разрушительной агонии времени. Теперь же в невозмутимом спокойствии богини ему мерещился ее сговор с этим самым временем, которое не уничтожило ее только потому, что богиня была готова прозябать в современных джунглях, заселенных не зверями, но варварами. Она украсит жилище одного из таких варваров, перейдя в разряд обычных интерьерных объектов, заняв место рядом со сделанными под старину часами, со столиками и креслами на изогнутых ножках, пародирующими стиль ампир, с пальмами в горшках и шкафами-купе.

Солнце скользило по лицу Афродиты-Анадиомены, заостряя свои блестящие иглы на участках, где сохранилась позолота. Арсений Адольфович встал с кресла, добрал до

столика, где стоял чемоданчик из коричневой кожи, схватил валявшуюся рядом ткань – кусок серо-голубого габардина – и набросил на бюст.

Он не будет больше смотреть на эту изменившую канонам красоты и приличия богиню. Сердце сбавило свой неистовый темп, легкие почувствовали новый приток воздуха. Арсений Адольфович старался не глядеть на стеллажи с расставленными на них сокровищами, которые он отвоевал у времени и нынешних варваров. Целые, если не считать отбитых краев и ручек, и собранные по кусочкам амфоры и пифосы, глиняные статуэтки, изображающие сидящих женщин и актеров, добытые из курганных захоронений, расписные чернолаковые греческие сосуды, ваза с рельефными украшениями второго века до нашей эры, небольшая чернофигурная гидрия с нарисованной на ней передней частью быка, тянущегося к большому сосуду – лутерию, чернолаковая солонка и светлый глиняный сосуд для масла, лекиф с тремя пальметками, металлические изогнутые скребки – стригили, с помощью которых греческие атлеты счищали слой масла с приставшим к нему песком, – все, что услаждало глаз и амбиции профессора, теперь угнетало его.

Словно все эти предметы несли на себе тонны земли, пепла и лавы, из которых были добыты.

Все эти сокровища Арсений Адольфович хранил в ящиках вделанного в стену шкафа, которые запирались на ключ. Он выставил их на стеллаж, стремясь найти противовес

ускользающей от него Афродиты. Профессор хотел убедить себя, что обладает достаточными ценностями, чтобы желать еще присовокупить к ним бюст богини. Но как только он окончил раскладку черепков и стригилей, силы покинули его.

Арсений Адольфович еще не добрался до сердцевины коллекции, намеренно как можно дольше сохраняя свой козырь в темных недрах шкафа. Бюст Деметры, мраморную головку Афродиты, терракотовую статуэтку этой же богини с голубем в руках, бронзовую статуэтку Посейдона Сосинея он берег на потом, решая выставить все эти прелести перед ликом лицемерной Афродиты-Анадиомены как упрек.

Он без конца любовался головкой Афродиты. Та была изображена с полузакрытыми веками. Кокетливое движение век богини затмевало для него косметические ухищрения современных женщин. Его осторожные пальцы досконально изучили овал ее лица, со всеми отметинами времени, со всеми царапинами и неровностями.

Он подолгу рассматривал фигурку Посейдона, играющее на бронзе солнце погружало его в транс. В его полуобморочном сознании вспыхивали радуги – одна другой ярче и цветистей. Он высвобождался из серого костюма, выпархивал, словно птица из порванных силков, и летел в Пантикапей.

Облаченный в хитон, смотрел он на величественные статуи Посейдона Сосинея и Афродиты Навархиды, установленные навархом Панталеоном.

Море плавилось на солнце, снежная белизна мрамора была в глаза. Кругом суетился не догадывающийся о грозящих ему испытаниях народ. Храм Посейдона, как и сам бог морской стихии, казался вечным.

Флот Митридата обуздывал коварных пиратов, мешавших торговле на Черном море. Посейдон Сосиней и Афродита Навархида хранили корабли от напастей, взирая с горы Митридат на понтийскую армаду.

«Митридат, Митридат...»

Имя понтийского царя отравленной стрелой проникло в мозг.

Яд пробежал по телу, заставив профессора резко выпрямиться. Его застывший взгляд медленно двигался по горе исторических документов, бумаг и книг, которые он беспощадным образом сгрудил, освобождая место для своей коллекции. Горечь досады затопила душу Арсения Адольфовича.

Сколько он ни бился над тайной Митридатовой казны – все впустую.

Он исследовал бездну документов и свидетельств, ездил в Грецию, Италию и Турцию, где дни и ночи рылся в архивах, стремясь разгадать тайну пропавших сокровищ. Он выдергивал из мрака обрывки писем, добывал из пепла лет исторические детали, складывал их, подгонял одну к другой, чтобы перед ним наконец заблистал хотя бы слабый огонек надежды. Он загорался и сдавался, неистовствовал и покорялся, отметал записи и свидетельства и снова бдил над ни-

ми, окрыленный какой-нибудь догадкой.

Так проходили годы. Арсений Адольфович, удивляясь собственному упорству, метался между веком Митридата и нынешним веком. Если бы его обследовал какой-нибудь психоаналитик, то отозвался бы о его мышлении как об импульсивно-компульсивном. Мысль профессора бежала по кругу, по замкнутому кругу.

Как ни было ему горько прощаться с Афродитой да и со многими другими находками, все эти огорчения лежали в верхнем пласте его сознания.

В глубине же слабо мерцал таинственный факел, освещавший выбитое в стене имя Митридата. При каждом его упоминании, при любом намеке на возможность разгадать злополучный секрет сокровищ пламя факела вспыхивало с новой силой, грозя расплавить мозг и душу профессора.

Вот и сейчас, обозревая горы бумажного хлама, испепеляемого на протяжении многих лет его недремлющим взглядом, он почувствовал в груди знакомое жжение. Нет, если так и дальше пойдет, он заработает инфаркт!

Думы профессора помимо его воли волнами омывали берег с названием «Митридат». Этот берег, подобно Вифинии или Каппадокии, лежал по ту сторону моря. На этой стороне мучился неразгаданностью древней тайны он, Арсений Адольфович Миллер, человек, для которого прошлое обладало большей реальностью, нежели современность.

Арсений Адольфович мрачно усмехнулся. При всей непо-

хожести судеб, его и Митридата объединяла жажда могущества. Митридат добивался превосходства над Римом, Арсений Адольфович – превосходства историка, эрудиция и упорство которого заслуживали щедрого вознаграждения, например, Митридатовой казны. Профессор прятался за ширмой исторического интереса, чтобы не признаться самому себе, что прежде всего его интересует богатство и власть. И здесь он мало чем отличался от невежественного Хазара. Просто он, Арсений Адольфович, понял, что черпать золото и серебро можно из прошлого.

Он отказывался сравнивать себя с Хазаром, который незаконно сбывал найденные в раскопах древности через вице-мэра и отстегивал профессору определенную часть, зато с восторженным упоением проводил параллель между жизнью своей и Митридатовой. Митридат был умным, жестоким и подозрительным. Арсений Адольфович – здесь он готов был себя немного покритиковать – тоже не отличался добродушием, будучи при этом интеллектуалом. Митридат знал двадцать два языка, Арсений Адольфович – шесть, в том числе древнегреческий и латынь. Митридат не мог успокоиться, борясь за первенство на морях, в Греции и Малой Азии, и он, Арсений Адольфович, не знал покоя, разгадывая тайну царских сокровищ.

За три войны, которые он вел против Рима, Митридат, демонстрируя высокое полководческое искусство, побеждал таких римских полководцев, как Кассий, Маний Аквиллий,

Оппий. Он сталкивался с Луцием Лицинием Лукуллом и Корнелием Луцием Суллой, оказывая и тому и другому стойкое сопротивление. Даже после того, как в итоге третьей десятилетней войны его войска были разгромлены Гнеем Помпеем, Митридат не сдался, хотя и бежал к своему зятю, армянскому царю Тиграну Второму. Бежал лишь затем, чтобы залечить раны и собраться с силами для новых сражений.

Арсений Адольфович проявлял столь же завидное упорство и силу воли.

Митридат прославился не только как бесстрашный и опытный военачальник, но и как хитрый удачливый дипломат. Свою дочь он выдал замуж за армянского царя, а собирая войска для борьбы с Римом после победы в войне, спровоцированной проконсулом Лицинием Муреной, Митридат сумел создать коалицию из скифов, сарматов, фракийцев, германцев, а также пиратов-кикийцев.

Внимание Арсения Адольфовича сконцентрировалось на последнем периоде жизни Митридата. Этот период мог бы составить содержание возвышенной трагедии, повествующей о борьбе героя-одиночки против мощного многочисленного врага и предательства близких. И все же Арсения Адольфовича интересовал больше меркантильный аспект этого исторического действия. Его занимал вопрос о казне. Оставил ли Митридат сокровища у своего зятя или привез их с собой в Пантикапей? Или богатства пребывали в ином секретном месте? Были ли они разграблены, растащены или

так и сгнули одним махом, пропали без вести?

Попав в привычное колесо, извечная мысль профессора вхолостую завращалась, не неся никакого разрешения. Он смежил веки. Наэлектризованные блеском неведомых сокровищ зрочки распались на миллионы светящихся точек. В затылке ухал тяжелый молот. Арсений Адольфович откинул голову на спинку кресла, представляя себе несметные сокровища, помассировал голову, но боль не затихала. Тогда он медленно поднялся, открыл ящик стола, достал пузырек с успокоительным. Приняв лекарство, снова уселся в кресло.

* * *

Серебряная монета жгла ладонь. На лицевой стороне была изображена голова не то бога, не то царя. На оборотной – рог изобилия с двумя звездами по сторонам. Галина сунула монету в карман рубашки.

Оглянулась. В дверях стоял неслышно вошедший в дом Иннокентий.

– Красивая монета? – с усмешкой спросил он.

– Что? – прикинулась, что не расслышала, Галина.

– Монета красивая?

Иннокентий подошел к Галине и, схватив одной рукой оба ее запястья, другой быстро достал из ее кармана монету.

– Да, ничего, – улыбнулся он, отпустив девушку и держа монету двумя пальцами. – Здесь голова Гелиоса, а здесь, –

перевернул он монету, – рог изобилия со звездами Диоскуров.

Галина глаз не опустила. Она смотрела даже с вызовом.

– Лучшее средство защиты – нападение? – снова усмехнулся Иннокентий. – Прав был Аристотель: добродетель – удел немногих людей. Платон тоже был прав, говоря, что для того, чтобы набраться мудрости, нужно иметь досуг, то есть не работать. Но как совместить обе эти истины? Не противоречит ли одна другой?

– Что ты хочешь этим сказать? – напряженно глядела на него Галина.

Распотрошенный мешочек с находками лежал на столе.

– Ты решила предпочесть Платона, причем любимым путем.

Ты не хочешь работать – и это для тебя главное. А то, какой ценой достичь этого, – ерунда. Можешь даже обворовать приятеля!

– Я просто посмотрела, – закусила губу Галина.

– И решила сунуть в карман? – недоверчиво качал головой Иннокентий.

– Ну, с кем не бывает! – театрально вздохнула она.

– Ты поэтому пригласила меня у тебя поселиться? Чтобы, дождавшись удобного случая, ограбить меня?

– Перестань драматизировать. Никто не собирается тебя выставлять вон. – Она подошла к Иннокентию и, задрав голову, безбоязненно посмотрела ему в глаза. – Оставайся. Ты принес базилик?

– Принес, целый ворох базилика. Странно, что ты еще про него не забыла, – насмешливо взглянул на нее Иннокентий.

– Ну такними ведро с плиты и налей ванну, – лукаво улыбнулась Галина.

– А ты в это время займешься моим мешком?

– Нет, обещаю. Прости.

Она стыдливо потупилась. Иннокентий махнул рукой и пошел на кухню.

* * *

В проеме между мраморными колоннами на цвета слоновой кости стене подрагивают два темных силуэта. Картинка приближается. В тишине высоких покоев гулко звучат чьи-то шаги. Из охристого тумана выплывают профили – сосредоточенный, словно высеченный из камня профиль восточного деспота, и горбоносый, но при этом кажущийся более мягким, – молодого мужчины в хитоне.

Митридат Шестой Эвпатор (скрежеща зубами):

Помпей жаждет моей крови. Он уже празднует победу. Я потерял все свои владения.

Тигран Второй Армянский (стараясь держаться твердо): Ты можешь рассчитывать на мое гостеприимство.

Митридат: Ты говоришь так, как будто волен распоряжаться собой. Римляне не простят тебе твоего упорства под Тигранокертом.

Тигран (горькая складка залегла у его губ):

Это было тяжелое для нас поражение. Моя армия превосходила армию Лукулла в восемь раз. Но что это дало? Лукулл заставил меня кусать локти, посыпать голову пеплом. Он занял все возвышенности, атаковал мою конницу с тыла, разгромил пехоту. Но все же мы выстояли! А ты с твоим войском даже перешел в наступление! Лукулл действовал коварством и хитростью.

Но вспомни – забыв о ранах и потерях, мы собрали остатки войска и разгромили Лукулла под Артаксатой и отвоевали Понт и Армению.

Митридат (злобно): Теперь все по-другому. Греки против меня, боспоряне бунтуют... Я выдворен из Эгейского моря, скоро и на Понте не останется для меня места!

Тигран (желая ободрить тестя): Вспомни битву под Халкидоном. Семьдесят кораблей Рутилия Нудона были разгромлены, Рим плевался кровью!

Митридат: Все это прошлые дела. Нужно быть мальчишкой, чтобы не понимать, как изменилось мое положение. Я не собираюсь сдаваться, я скорее брошусь на меч, чем приползу на коленях к Помпею и запрошу мира.

Тигран (уже не скрывая подавленности): Тяжелая судьба ждет Армению.

Митридат (с суровой откровенностью): Мир невозможен.

Тигран (неуверенно): Отправь гонца к Фарнаку, возможно, он одумается...

Митридат (свирепо вращая глазами): Жаль, что я не убил его, как Махара!

Тигран: Ты еще вернешь себе Вифинию, Каппадокию и Пафлагонию...

Митридат (тая досаду): Я не тешу себя обманчивыми надеждами, хотя и не намерен отступить. Что толку вспоминать о былых победах? Сейчас самое время позаботиться о будущем.

Тигран: Ты окончательно решил ехать в Пантикапей?

Митридат: Да.

Тень на стене мечется, профиль Митридата исчезает, а вместо него на стене вытягивается темное пятно. Ковер заглушает шаги.

Тигран: А казна?

Митридат: Я уже позаботился об этом.

Тигран: В Колхиде и на Боспоре беспокойно. Может, оставишь ее у меня? Ты всегда сможешь забрать ее. Оставь ее у меня до лучших времен, возьми только необходимое.

Митридат (отрывисто): Мне понадобятся многие тысячи талантов, чтобы собрать войско и заплатить наемникам. Завтра я отправляю с казной Архелая. Он спрячет ее в надежном месте, до которого мне будет легче добраться, чем до тебя. Потом Архелай отправится в Боспор. У меня же еще есть здесь дела.

Тигран: Ты доверяешь ему?

Митридат (с горечью): Кому сейчас можно доверять?

Митридат, с рубиновой диадемой на голове, облаченный в белую, с пурпурной каймой хлену, схваченную на плече золотой застежкой, пересекает пространство между колоннами. Он застывает у золоченого кресла Тиграна. На мизинце Эвпатора, похожий на воды бушующего моря, сияет огромный сапфир.

На столике меж креслами сверкают серебряные кубки с хиосским вином.

Тигран: Не разумнее ли было бы оставить казну у меня?

Митридат (его мягкий тон не может скрыть напряжения):

Я ценю твою заботу, но уже все решил.

Тигран: Это будет Колхи?..

Арсений Адольфович вздрогнул от долетевшего до него с нижнего этажа шума. Грубое рывканье Хазара пробило защитную стену его сна.

Он выпрямился, протер глаза. Солнце клонилось к закату. Атласная штора чуть колебалась, превращенная угасающими лучами в оранжево-малахитовую лагуну. Сиреневые тени легли вдоль нее изрезанными берегами.

Арсений Адольфович поморщился от досады, устало поднялся.

Он и не заметил, как уснул. Море у самого горизонта клубилось фиолетовой дымкой. Ее прорезали стальные отсветы, скользя по поверхности моря. Охристой ватой неподвижно висели в небе маленькие облачка. Стоявшее под ними солнце брызгало в них жидким золотом, утяжеляя их снизу и

превращая их верхушки в розовые рыхлые коконы, готовые просыпаться абрикосовым цветом. Кипарисы наливались густым изумрудом, оправленным в индиговый контур. Их печальная отстраненность особенно впечатляла на фоне жадных до света и веселых виноградников, чья яркая зелень все еще купалась в лучах, подобно тому, как дети на пляже, игнорируя строгие окрики родителей, продолжают плескаться в воде, даже посинев от холода.

Бесцеремонный стук в дверь заставил профессора вздрогнуть.

Он еще не пришел в себя. В глубине его сознания, выхваченные из унылой мглы пламенем камина, дрожали говорящие тени. Стук повторился. Арсений Адольфович поправил галстук и пошел открывать. В узком проеме показалась толстая морда Ника.

– Хазар зовет, – сипло сказал он.

– Иду, – ответил профессор, не узнав собственного голоса.

Накрытая куском габардина Афродита-Анадиомена не волновала больше профессора. В его ушных раковинах подобно плеску моря звучали таинственные отзвуки. Зачарованный, он даже не почувствовал вначале горечи разочарования, которая, едва он вышел из комнаты, накрыла его подобно морскому валу. Он не дослушал! Ему помешали!

Белые балясины прыгали перед Арсением Адольфовичем, когда он спускался по широкой лестнице на первый

этаж. В уставленной копиями с античных статуй гостиной Хазар рассчитывался со скульптором.

– Где я могу тебя найти? – сурово спросил он. – Если что не так, нужно будет исправить...

Под черными изогнутыми бровями Хазара глаза его смотрели так, словно он был уверен, что «что-то не так». Юра спокойно выдержал подозрительный взгляд авторитета и качнул головой.

– Там правда все нормально? – обратился Хазар к Михаилу, наиболее благообразному телохранителю, какие у него когда-либо были.

Тот мотнул головой.

– С одним ангелочком пришлось повозиться, но в целом композиция удалась, – сказал Юра.

– На вот, – Хазар достал из раскрытого портмоне и сунул ему сотню долларов вдогонку выплаченному гонорару, – считай, что премия. Я для Пашки ничего не жалею, – оседлал он своего любимого конька.

Развить тему собственной щедрости ему помешало появление профессора.

– Все готово? – Хазар поднял на него строгий взгляд.

– Готово, – рассеянно кивнул профессор.

– Иди сюда, – поманил Хазар Арсения Адольфовича, – я тебе кое-что покажу.

Арсению Адольфовичу более всего хотелось, чтобы его оставили в покое, но перечить он не смел. Сотрудничество с

Хазаром, хотя и таило в себе бездну разочарования, все же было очень выгодным. Поэтому Арсений Адольфович вслед за Хазаром подошел к стоявшему вблизи ниши низенькому столику на ножках в виде львиных лап. На столике покоился некий предмет, накрытый темно-красной материей. Хазар потянул за край, и взорам профессора предстала выполненная в сатирическом ключе скульптура женщины. Каждое из полушарий гигантской груди превосходило по объему как минимум в три раза ее голову. Едкая насмешка скульптора, однако, ускользала от восприятия Хазара. Он, по всей видимости, относился к изображению вполне серьезно.

– Ну как? – Хазар смеялся.

Зная о взыскательном вкусе профессора, он хотел над ним подшутить.

Но Арсению Адольфовичу было не до шуток. Он не дослушал разговор Митридата с Тиграном, он опять не узнает, где сокровища! Приглушенное негодование сделало его язвительным. И чтобы доставить себе удовольствие продемонстрировать свое превосходство, а заодно указать на эстетическую слепоту авторитета, профессор небрежно процедил:

– Сатира...

– Что? – не понял Хазар.

– Наши современные скульпторы только и могут, что насмехаться над женщиной. – Презрительно морща нос, Арсений Адольфович отошел от столика, в эту минуту равнодушный ко всей мировой скульптуре – античной и современной.

– Это как понимать? – Хазар почти негодуяюще смотрел ему в спину. – Да такие сиськи каждой иметь за счастье! Весь Голливуд стоит на ушах, бабы с ума посходили – силикон себе впрыскивают!

Да это же прикольно – такая голова и такие сиськи! Весело!

– Вот именно, – профессор обернулся, кривя рот в усмешке.

– А эти бабы, – Хазар тыкнул пальцем сначала в статую Афродиты, потом – в статую Психеи, – у них же одни жопы, титек вообще нет! Здесь, значит, мясо, – теперь он шлепал себя по ягодицам и бедрам, – а тут, – приставил он сложенные кольцом указательный и большой пальцы обеих рук к груди, – ни шиша! Чисто конкретное уродство! Ни хрена твои греки в красоте не понимали. Но приходится их держать, – ухмыльнулся он, – древность все же... Ладно, соберайся, – добавил он, вытащив из-под рубахи трубку мобилника, – к Кузьмичу поедем. И эту бабу рогатую не забудь...

ГЛАВА 4

Вице-мэр города – Сергей Кузьмич Пеньков – отдуваясь, вышел из сауны. Его заплывшее тело покрылось розово-белыми пятнами, отчего он стал походить на большого поросенка. Короткий вздернутый нос, прилепившийся на его раскормленном лице, усиливал это сходство.

Сисястая девица, сидевшая в комнате отдыха, вскочила и, взяв белоснежную простыню, накинула ее на плечи Пенькова. Нисколько не смущаясь, хотя из одежды на ней были только черные узенькие плавки, она улыбнулась Сергею Кузьмичу.

– Мартини, ром, коньяк? – раболепно спросила она.

– Мартини, – сухо кивнул Пеньков, не глядя на девицу.

Он закинул один край простыни на плечо на манер греческой туники и направился к шезлонгу, стоявшему у распахнутых настежь дверей, ведущих во внутренний дворик.

Казалось, его совершенно не интересовали прелести прислужницы, хотя она их старательно выставляла напоказ. Сергей Кузьмич с тайной любовью поглядывал на современную копию бегущего Гермеса, статуя которого возвышалась рядом с выходом во внутренний дворик. Еще одна статуя – оригинал, подаренный ему Хазаром, – была спрятана от посторонних глаз в спальне на втором этаже.

Девица взяла с мраморного столика конической формы

фужер, в котором плавала зеленая оливка, и подала шефу. Тот сперва шумно опустился в шезлонг и только потом принял из рук девицы фужер.

– Машка, твою мать, а лед где? – грубо поинтересовался Пеньков.

– Простите, Сергей Кузьмич, – она бросилась к огромному холодильнику, стоявшему в углу комнаты, и нырнула в него, оставив снаружи только аппетитную задницу, расщепленную надвое тонкой полоской бикини.

Но Пеньков на нее не смотрел. Он повернулся к стоявшему рядом шезлонгу, на котором сидел начальник местной милиции. Тот был завернут в такую же простыню и потягивал из керамической кружки холодное пиво.

– Учишь их, учишь, – пробурчал Пеньков, – а они... А-а, блядство сплошное. Ты как считаешь, Валерий Иванович?

Валерий Иванович Сошкин совсем не походил на начальника, тем более милицейского. Тем более без формы. Он был небольшого росточка, из-за чего страдал всю свою сорокалетнюю жизнь. Милиционер во все глаза пялился на Машу, вернее на ее зад, и не расслышал вопроса вице-мэра.

– Чего? – он повернулся к Пенькову, одним глазом все-таки посматривая на девицу.

– Ты что, спишь? – недовольно скривился Пеньков.

Он не стал слушать, что ему ответит милицейский начальник, а заорал благим матом:

– Машка, блядь такая, долго тебя ждать?

– Сергей Кузьмич, – томно проворковала она, – все готово.

Она в полупоклоне замерла возле Пенькова, едва не положив ему на голову свои трепыхавшиеся груди.

– Пшла вон, – он принял из ее рук фужер с мартини и барским жестом показал ей на дверь. – Хорошо, – сделав глоток, он снова устремил свой взгляд на статую Гермеса.

– Хорошо, – согласился Сошкин, провожая взглядом водящую бедрами девицу.

– Теперь давай к делу, подполковник, – Сергей Кузьмич напомнил гостю, для чего тот к нему пришел.

– Не волнуйтесь, Сергей Кузьмич, – успокоил его Сошкин, – не будет никакого дела.

– А если Артеменко будет настаивать?

– Если Артеменко будет настаивать, то оно вообще затеряется, – сделав большой глоток пива, ответил подполковник.

– А может, стоит подумать о том, чтобы оно затерялось побыстрее, – настаивал Пеньков. – Знаешь ведь, как это мне руки связывает.

– Пока нельзя, Сергей Кузьмич, – покачал головой Сошкин. – Я, конечно, начальник, но... Могут быть комиссии, проверки всякие.

Пусть сначала все уляжется, а потом мы его так запрячем – ни один археолог не раскопает.

– Ты же знаешь, подполковник, кто тебя посадил на твое

место.

– Вы, Сергей Кузьмич, – внутренне передернулся Сошкин.

– То-то, – кивнул Пеньков. – Если Артеменко меня скинет, то и ты долго на своем месте не удержишься, сечешь?

– Мы понятливые, Сергей Кузьмич, – устало произнес Сошкин.

Ему настолько обрыдло слушать наставления Пенькова, что он уже не рад был приглашению в сауну. Правда, здесь можно было на халяву напиться и нажраться, да еще на голых девок посмотреть (и не только посмотреть), но этот перестраховщик уже начинал действовать ему на нервы. Сошкин уже в который раз объяснял ему, что не допустит разбирательства дела в суде, а тот все бухтел и бухтел...

Сошкин тремя большими глотками допил пиво и поднялся. Скинул со своих плеч простыню.

– Пойду еще погреюсь, – улыбнулся он Пенькову и направился в парилку.

– Иди-иди, – со вздохом кивнул Пеньков.

Как только за Сошкиным закрылась дверь в парную, в проеме появилась Мария, держа в руках трубку радиотелефона.

– Вас, Сергей Кузьмич, – она протянула трубку шефу.

– Кто? – он недовольно посмотрел на секретаршу.

– Эдуард Васильевич, – негромко ответила она.

– Скажи, что меня нет, – Пеньков отрицательно покачал

головой.

Сейчас ему совсем не хотелось видеть воровского авторитета.

– Вы ему назначили, – упрямо стояла на своем секретарша.

– Ладно, давай, – он нехотя протянул руку к трубке, продолжая в другой руке держать фужер с мартини. – Слушаю, – проговорил он в микрофон.

– Здравствуй, дорогой, все в порядке? – услышал он голос Хазара.

– Да, Хазар, можешь приезжать.

– Я тебе кое-что приготовил, кроме того, о чем мы говорили вчера.

Думаю, тебе понравится.

– Интересно, – хмыкнул Пеньков в трубку.

– Я буду через двадцать минут, – сказал Хазар и отключил связь.

– Через двадцать минут приедет Эдуард Васильевич, – сказал Пеньков секретарше, отдавая трубку, – пусть его проведут в гостиную.

– Хорошо, Сергей Кузьмич, – кивнула Маша и направилась к выходу.

Вышедший из парилки Сошкин успел увидеть, как она, вихляя задницей, идет с телефоном к стеклянным дверям. Он сглотнул слюну, которая едва не вытекла у него изо рта, и плюхнулся в шезлонг, прикрывшись простыней.

– Умеете вы себе людей подбирать, – мечтательно улыбнулся он, продолжая смотреть на секретаршу.

Вице-мэр сделал вид, что не расслышал его.

– Я тебя минут через десять оставлю ненадолго, – Пеньков допил martini и поставил фужер на ручку шезлонга. – Ты уж извини, дела... Если хочешь, я пришлю двух-трех девочек – обслужат по высшему разряду.

– Хватит и одной, – Сошкин опустил глаза, предвкушая удовольствие.

– Да не тушуйся ты, будь как дома, – поднялся Пеньков.

Он скинул простыню и надел лазурный махровый халат, висевший на деревянной вешалке. Ему нужно было немного побыть одному.

Он вышел во дворик, распорядился насчет девочек для Сошкина и поднялся по наружной лестнице на террасу второго этажа.

Вскоре он увидел на дороге, ведущей к его загородной резиденции, серо-зеленый джип, за которым двигался черный «шестисотый» «Мерседес».

Охрана открыла ворота, и кортеж въехал на территорию.

* * *

Послание было адресовано некоему Семониду. Отправитель – начальник эргастерия Агесилай. Он извещал Семонида, что заказ его выполнен.

Далее шло перечисление утвари, изготовленной в керамической мастерской.

Кроме пифосов, амфор и лекифа, значился еще светильник. Некоторые из слов были полустерты, другие Иннокентий не смог перевести, так как изрядно подзабыл язык, но в основном содержание было понятно.

Иннокентий улыбнулся древним каракулям. Надо же, людей еще волновали такие мелочи, когда их город терпел одно нашествие степных кочевников за другим!

Разрезанная скальпелем свинцовая пластина, которую Иннокентий обнаружил свернутой в трубку на морском дне, лишилась своей вековой тайны. Чтение дезавуирует.

Иннокентий вышел в сад. Густой и неухоженный, посыпанные крупным гравием дорожки с висящими над ними лампочками. Иннокентий двинулся по одной из них, ловя слухом плеск воды и блаженное мурлыканье Галины. Из воды высывалась только ее голова. Поверхность была изумрудной от свежих листьев базилика.

– Это омолаживающая ванна, – весело сказала она и шлепнула ладонью по воде.

Фонтан брызг взвился в воздух, обдав Иннокентия.

– Недурно устроилась.

Над ванной, затерянной в глухом углу сада, нависали ветви грецкого ореха и мушмулы. Виноградные лозы карабкались по стволам деревьев с упорством паразитов.

– Вот если бы тут была еще пальма с бананами! Тогда мож-

но было одновременно принимать ванну и завтракать, – Галина мечтательно смежила веки и зевнула.

Иннокентий поднял взгляд, озираясь вокруг. Из окон соседней дачи, находящейся на возвышенности, вполне могли видеть это омовение. Хотя с точностью судить, стоя возле ванны, Иннокентий не мог. Не исключено, что листва деревьев делала Галину неуязвимой для любопытных глаз.

Дачи, располагавшиеся слева и справа, занимали равную с домом Галины высоту, к тому же были огорожены двухметровыми заборами, а значит, не могли служить наблюдательным пунктом скучающим соседям.

– Думаешь, кто-то следит за нами? – прочла его мысли Галина. – И тайно онанирует?

Она прыснула со смеху.

– А мне можно будет искупаться? – спросил он.

– Грей воду, мой дом лишен элементарных удобств, – смеясь ответила она.

– Я искупаюсь в твоей воде, что позволит мне узнать твои мысли.

Он подал Галине висевшее на ветке полотенце. Она поднялась из ванны, облепленная сиреневыми листьями базилика. Листья заскользили с ее мокрой кожи. Завернувшись в полотенце, Галина искала ногой шлепанец, когда до их слуха долетел скрип калитки. Галина на миг застыла от неожиданности. Через секунду они увидели хмурого молодого человека в синей футболке и голубых джинсах. Он стоял на дорож-

ке и неприязненно разглядывал успешного к тому времени плюхнуться в ванну Иннокентия.

– Знакомьтесь, – сделала попытку непринужденно улыбнуться Галина, – Валентин. Иннокентий. Валентин – мой брат, – обернулась она к Иннокентию, – Иннокентий – мой приятель, – объяснила она брату. – Он поживет у нас немного. Кстати, он повздорил с Лехой.

Выше среднего роста, угловатый, с темными вьющимися у шеи волосами, Валентин выглядел враждебно настроенным по отношению к миру подростком.

На его худом лице со впалыми щеками застыло напряженное выражение.

Черные глаза и нос с горбинкой добавляли его физиономии мрачной выразительности.

– Ну, – завернувшись в полотенце, Галина направилась к дому, – вы здесь пообщайтесь немного, мне нужно переодеться.

Оставив их, она ушла. На площадке перед ванной воцарилось напряженное молчание. Иннокентий не знал, что на уме у Валентина, и поэтому положение свое воспринимал как не вполне уместное. Он голый сидел в ванне, наполненной водой с базиликовыми листьями, а брат Галины стоял над ним, нервно поигрывая желваками. Он вдруг опустил взгляд на штаны и майку, валявшиеся перед ванной, которые Галина предложила пока поносить Иннокентию.

Снова поднял голову и пристально поглядел на развитые

плечи Иннокентия, торчащие из воды.

– Галина дала мне твои вещички, – пояснил Иннокентий. – Леха всю мою одежду покромсал.

– Было за что? – как бы между прочим поинтересовался Валентин.

– Как сказать, – Иннокентий пожал плечами.

– Говори уж как есть.

Пришлось снова все рассказывать, теперь брату. Интересно, думал Иннокентий, он правда ее брат? Что-то не слишком похож. Собственно, какое ему дело? Даже если и не брат.

– Ты с ней спал? – кивнул Валентин в сторону дома, когда Иннокентий закончил рассказ.

– Она уже большая девочка, – Иннокентий поднялся и вылез из ванны, – сама может решать, с кем ей спать.

Оставляя на дощатом настиле мокрые следы, он натянул одежду прямо на влажное тело. Вот теперь легче. Теперь они были в равном положении, если что.

– Вот что, Иннокентий... – холодно произнес Валентин.

– Можно просто – Кеша...

– Значит, так, Кеша, – Валентин задумчиво глядел куда-то сквозь Иннокентия, – думаю, тебе лучше отсюда убраться подобру-поздорову.

– Ты что, выгоняешь меня? Это же неблагородно. Подумай сам, куда я пойду? У меня нет даже палатки.

– Это твое дело, – щуря глаза на заходящее солнце, покачал головой Валентин, – меня это не касается.

– Ну что, мальчики, поговорили? – У ванны появилась Галина.

В ситцевом платье в мелкий цветочек на тонких бретельках и мокрыми распущенными волосами, она напоминала теперь дриаду.

– Поговорили, – медленно сказал Иннокентий.

– Ты что, Валя, – она недовольно посмотрела на брата, – что-нибудь сказал ему?

– Если все, что он рассказал, правда, ему лучше отсюда уйти, и как можно скорее. Леха таких вещей не прощает. Если он или Хазар узнают, что этот, – Валентин кивнул в сторону Иннокентия, – у нас, будет плохо и нам, и ему.

– Никто ничего не узнает, – Галина покачала головой и взяла брата под руку. – И потом, где я еще найду такого жильца?

В наш район даже дикари не забредают. Все, решено, – она отпустила Валентина и, обняв Иннокентия за талию, увлекла в дом.

Иннокентию ничего не оставалось, как подчиниться. Тем более что он был не против.

– Чем он будет тебе платить? – Валентин тащился сзади. – У него же ничего нет. Он гол как сокол.

– Заработает, – не оборачиваясь, ответила дриада.

– А Леха? – не успокаивался брат.

– Леха ничего не узнает, если, конечно, ты ему не накапаешь.

В доме был накрыт стол. Розовато-красные помидоры, зеленые пупырчатые огурчики, редиска, переложенная веточками сизовато-зеленой кинзы и кудрявой петрушки, нарезанный толстыми кусками сулугуни, из которого сочилась белесоватая влага, пара колец домашней колбасы и ломти белого хлеба.

– Не хватает только вина, – Галина весело посмотрела на брата и протянула ему глиняный кувшин.

– Не волнуйся, – ободряюще взглянула она на Иннокентия, когда Валентин вышел из комнаты, – Валька только с виду такой суровый.

– Может, вам действительно лучше не рисковать? Ведь Леха, как я понимаю...

Она не дала ему договорить.

– Не хочу ничего слышать, – Галина притворно зажала уши, – ты остаешься, и все.

После таких уговоров пришлось остаться.

* * *

Пеньков недовольно покачал головой и спустился в гостиную, располагавшуюся в другом крыле П-образного здания. Провалившись в мягкое кожаное кресло, он стал поджидать авторитета. Тот вошел в сопровождении профессора.

На Хазаре были легкие светлые штаны и ярко-красная гавайская рубашка навывпуск. В руках он держал какой-то объе-

мистый сверток. Профессор, как обычно, был во всем сером: серый костюм, светло-серая сорочка и темно-серый галстук.

– Не можешь ты без показухи, – нравоучительно сказал Пеньков, обменявшись с Хазаром рукопожатием.

– Не понял, – вскинул тот на него недоуменный взгляд.

– Ты же меня компрометируешь, Эдик. Для чего вся эта помпа:

«Мерседес», джип сопровождения? Тебя же вычислят как дважды два. Пронюхают журналисты – я ведь не отмажусь. И так у меня проблемы, да еще ты. Больше ко мне с таким кортежем не приезжай. И вообще, нужно встречаться где-то на нейтральной территории.

На яхте, например.

– Как скажешь, Сергей Кузьмич, – льстиво улыбнулся Хазар, – только ерунда все это. Кто докажет, что это я к тебе приезжал? Стекла же тонированные.

– При чем здесь стекла? Твои номера на всем побережье знают.

– Ладно, успокойся, Сергей Кузьмич, – заискивающе заглянул в лицо Пенькову Хазар, – посмотри лучше на это.

Он шагнул к свертку и сдернул с него покрывало. Под покрывалом оказалась деревянная статуя, выполненная в абстракционистской манере. Стройные ноги и чрезмерно узкая талия как бы подчеркивали огромные полушария грудей, отполированных и покрытых лаком. Каждая из них была в несколько раз больше головы, торчавшей над узкими остро-

угольными плечами. Ручки, одна из которых была закинута за голову, а другая опиралась на отключенную ягодичную мышцу, напоминали угловатые палки.

– Что это? – Пеньков, продолжавший до этого сидеть в кресле, выбрался из него и недоуменно уставился на скульптуру.

– Условное название «Памелла», – сказал Хазар, любовно оглядывая скульптуру. – Это подарок, – добавил он после некоторой паузы, – у тебя же завтра день рождения.

Хотя ты меня и не приглашаешь, а я все равно тебя поздравляю.

– Чего ты несешь, Хазар? – Пеньков возвел очи горе. – Ты же знаешь, у меня будут серьезные люди.

– А я, значит, не серьезный? – в голосе Хазара блеснули металлические нотки.

– Я не в том смысле, – поморщился Пеньков, – мероприятие почти официальное. Будут представители прессы. Подумай, что будет, если тебя здесь увидят. Да я после этого и недели на своем месте не продержусь. Господи, ну что за люди! – с досадой воскликнул он и снова плюхнулся в кресло.

– Ладно, Кузьмич, замяли, – отчаянно зажестикублировал Хазар, – дело твое. Только от подарка не отказывайся. Если не понравился, так и скажи.

Пеньков еще раз окинул быстрым взглядом скульптуру.

– Занятно, – он пожевал губами, стараясь не показать своего разочарования.

– Правильный пацан резал, – сказал Хазар, – он и Пашке надгробие сварганил. По моим указаниям, естественно.

– Спасибо за подарок, – кивнул Пеньков. – Кстати, насчет Пашки, – перевел он разговор в другую плоскость, – милиция работает в полную силу. Так что ты не дергайся, чтобы не травмировать общественность.

Лицо Хазара вдруг сделалось каменным, а глаза, напротив, забегали, словно пузырьки в газированной воде.

– Я Пашкиного киллера сам найду и на куски порву, – расширяя ноздри, сказал он.

– А я сказал, не суетись! – заорал Пеньков, подсакивая в кресле. – Мне и без тебя забот хватает! Все должно быть по закону, – снизив тон, добавил он.

– Как же, по закону, – Хазар расплылся в масляной улыбке, – кому ты говоришь? Короче, будешь смотреть, что я тебе принес?

Не дожидаясь ответа, он взглянул на профессора, все еще стоявшего у входа с чемоданчиком в руках.

– Покажите, Арсений Адольфович, – официальным тоном сказал он.

Профессор осторожно положил чемоданчик на мраморный стол рядом с креслом Пенькова и, щелкнув замками, дрожащими руками поднял крышку. Внутри чемоданчика на мягкой подстилке лежала небольшая скульптура. Бюст.

Женская голова, украшенная диадемой, с волосами, расчесанными на прямой пробор и собранными сзади в пучок.

Покатые плечи, прикрытые хитоном, капризно сложенные губки, нежный овал лица... Арсений Адольфович бережно поднял бюстик и поставил его на стол, словно драгоценность. Впрочем, она и была драгоценностью. Чтобы получше рассмотреть скульптурное изображение, Пеньков поднялся со своего места.

– Золото? – Он с видом знатока обошел стол вокруг, внимательно глядя на старинное изображение.

– Бронза, Сергей Кузьмич, – поправил его профессор, – но следы позолоты сохранились, вот посмотрите.

– Так-так, – Пеньков почесал нос двумя пальцами, – ну и что?

– Афродита Анадиомена, то есть рожденная морем. Скорее всего, создана греческим художником Апеллесом, жившим в четвертом веке до нашей эры. Но, возможно, привезена из Сирии или других восточных провинций Римской империи.

– А что это у нее за рога? – Пеньков теперь всей пятерней чесал свой затылок.

– Это полумесяц и три пера мудрости, – пояснил профессор.

– Триппер, что ли? – перебил его Хазар, с улыбкой покачивая головой.

– Такие перья мы можем видеть на головах египетских богов, – не поняв его, продолжал профессор. – Беса, Гарпократа, Исиды – богини земледелия. Наличие у Афродиты атри-

бутов Исида или Изиды, как ее еще называют, показывает, что в Горгиипии, как и во всей Римской империи, распространились синкретические культы. Исида была самым популярным из божеств в Римской империи. Апулей, знаменитый автор «Метаморфоз», называет Исиду матерью природы, госпожой всех стихий, высшей из божеств, владычицей душ усопших, первой среди небожителей.

По всему побережью Средиземного моря Исида была любимой богиней моряков и купцов, покровительницей торговли и мореплавания.

Профессор на минуту замолчал, глядя на бронзовое изваяние. Так как все молчали, он заговорил снова:

– Апулей описывает праздник в честь Исида, приуроченный к весеннему открытию навигации. Он повествует, что впереди процессии шли мужчины и женщины, одетые в белоснежные льняные одежды, потрясая цистами.

Далее шествовали жрецы. Первый из них нес золотую лампу в виде лодки, другие жрецы несли алтари, украшенные золотом, пальмовую ветвь с золотыми листьями и другие предметы культа, а также изображения богов...

– Да уж, – перебил его Пеньков, – золота у них было навалом.

– Это точно, – поддержал его Хазар.

– Так, я не понял, – Пеньков вскинул взгляд на профессора, – это Исида или Афродита?

– В принципе, это почти одно и то же, – наморщил про-

фессор лоб. – Исида, Изиды, Иштар, Астарта – все это разные названия одного божества. У римлян она называлась Венерой, а потом, когда попала в Понтийское царство, стала Афродитой, или Кипридой, так как считалось, что она родилась из пены морской и вышла на берег у острова Кипр.

– Слушай, – Хазар усмехнулся, тронув Пенькова за край халата, – это сколько же у нее кликух было, в натуре? Видать, основной дамочкой была. Так просто кликуху не получишь.

– Гомер донес до нас легенду о споре трех богинь, – продолжал вещать профессор, который почти не слышал, о чем говорят рядом с ним, – Геры – жены Зевса, Афины – его дочери и Афродиты. Они спорили из-за яблока с надписью «Прекраснейшей».

Так вот, Парис, к которому богини обратились, чтобы он разрешил их спор, отдал яблоко Афродите. Этот миф отражает отношение древних греков (ну, тогда они еще не были древними) к Афродите и свидетельствует об их преклонении перед красотой. В Анапе найдена надпись, вырезанная на камне, о сооружении в Горгииппии храма, посвященного Афродите. Местонахождение храма пока неизвестно, но, вероятно, он стоял вблизи агоры – главной площади города...

– Если баба красивая, я не спорю, это, само собой, классно, – перебил профессора Хазар, – только вот сиськи у этой богини совсем никудышные. То ли дело у Памеллы, – он с любовью поглядел на деревянную скульптуру, подаренную Пенькову.

– Кончай хохмить, Эдик, – Пеньков брезгливо высвободил халат. – Кстати, что это ты один, то есть, я хочу сказать, без телохранителей? Или никого теперь не боишься?

– Пацаны внизу, конкретные ребята, за меня кого хошь в ключья разнесут.

– Так пусть заходят, нужно предложить им выпить. Да и нам тоже не помешает промочить горло, – вице-мэр широким жестом показал в дальний конец гостиной, где на столе стояли бутылки с напитками, высокие тонкостенные стаканы, а в вазочках таяли кубики льда. – Мы ведь закончили? – он вопросительно посмотрел на Хазара. – Зайдешь через недельку, я покажу Афродите своим зарубежным друзьям.

Тогда и обсудим цену.

– Лады, только не вздумай пудрить мне мозги, Кузьмич, – Хазар кивнул и подошел к двери, ведущей во внутренний дворик.

Он тихонько свистнул и поманил своих «телков», сидевших в шезлонгах у края бассейна. Не понимая, для чего они понадобились Хазару в таком вроде бы безопасном месте, они тем не менее живо поднялись и быстро направились в дом. Первым вошел Коля по кличке Ник – красномордый здоровяк в темных овальных очках с короткими прилизанными волосами и двухдневной растительностью на подбородке. Его пиджак слегка оттопыривался, скрывая спрятанный за поясом пистолет. За Ником в комнату проскользнул

худощавый светловолосый Миша. Остроносый, в облегающей майке цвета индиго и обтягивающих джинсах, он был похож на молодого древнегреческого бога, сменившего тунику на современный наряд. Трудно было представить его в роли телохранителя, но на самом деле он отлично владел приемами восточных единоборств и попал к Хазару почти случайно. Когда его братки, прогуливавшиеся по набережной, зацепили Мишу, он несколькими ударами в голову и корпус отключил их, после чего спокойно пошел дальше. Хазар нашел его и предложил работу, на которую Миша, моргая голубыми глазами, немного подумав, согласился.

Ник и Миша, внимательно оглядывая пространство гостиной, встали у дверей, ожидая дальнейших указаний.

– Все в порядке, парни, – успокоил их Хазар, – Сергей Кузьмич хочет вас угостить.

Пеньков сам подошел к ним с добродушной улыбкой.

– Что будем пить? – переводил он взгляд с одного на другого.

– Минералку, – дуэтом ответили парни.

– Может, шампанского?

Парни отрицательно покачали головами.

– Короче говоря, выбирайте сами, – он по-барски показал в сторону стола.

– Ну, вперед, – подтолкнул их Хазар, который немного недоумевал, чем вызвана такая щедрость хозяина, а вернее, его гостеприимность.

Он тоже направился к столу, чтобы обеспечить себя выпивкой.

Пеньков присоединился к ним, прихватив заодно и профессора, который никак не мог наглядеться на Афродиту: с ней уже сегодня он должен был расстаться.

– Профессор, не стесняйтесь.

Пеньков вклинился между телохранителями Хазара.

– Вот минеральная вода. – Он поднял маленькую зеленую бутылку и подал ее Мише. – «Перье», между прочим. Тебе нравится «Перье»?

– Один хрен, – пожал тот плечами и взял бутылку, – главное, чтобы не теплая.

– Вот именно, один, – Сергей Кузьмич рассмеялся.

Гости разобрали напитки и расселись по диванам и креслам. Только профессор стоял у стола, не решаясь, что ему выбрать. У него рябило в глазах от разноцветных этикеток с иностранными названиями. Наконец и он что-то взял и устроился на краешке стула.

– Значит, говоришь, парни твои хоть куда? – обращаясь к Хазару, Пеньков уставился на его телохранителей.

– Зуб на холодец, – усмехнулся польщенный Хазар. – Хочешь посмотреть, как они быются? Ник, Миша! – крикнул он своим телохранителям.

– Нет, нет, ну зачем же! – остановил его Пеньков. – Они же могут поранить друг друга.

– Ну и что, – помотал головой Хазар, – для этого я их и

нанял.

– Это телохранители, – Пеньков выделил голосом первую часть существительного. – Они обязаны хранить твое тело, а не подставлять свое. Я почему их позвал, – Пеньков наклонил голову к Хазару, – у меня завтра день рождения...

– Это мы знаем, в натуре, только...

Вице-мэр не дал ему закончить.

– Никаких «только», – резко вставил он, – будет много людей, которых я не очень-то хорошо знаю.

– Ну, меня-то не будет, – обиженно пробубнил Хазар.

– Не о тебе речь, – мягким голосом проговорил Пеньков, – то есть ты понял, почему я тебя не могу пригласить. Так вот, неплохо было бы мне парочку телохранителей. На завтрашний день... и вечер...

– Так у тебя же есть, – непонимающе уставился на него Хазар.

– Конечно, есть, – томно вздохнул Сергей Кузьмич, – только не мешало бы еще парочку. Или хотя бы одного... – он краем глаза взглянул на Мишу. – Я тебе все компенсирую. Сколько ты им платишь в день?

Своим телохранителям Хазар платил не слишком много, поэтому сразу не ответил. Назвать настоящую сумму было глупо, сказать больше – могут услышать Ник с Мишкой. Поэтому Хазар отшутился:

– Они у меня не бедствуют.

– Дам сто баксов, – не раздумывая произнес Пеньков.

– Годится, – быстро согласился Хазар, решивший, что сможет на этом немного заработать. – Бери Ника.

– Нет, – покачал головой Сергей Кузьмич, – Ник не пойдет, слишком фактурный.

– Хочешь сказать, рожей не вышел? – грубо спросил Хазар.

– Знаешь, у меня будут солидные люди из высшего общества, – медленно проговорил Пеньков, – так что, в сущности, ты прав.

Я возьму Мишу, если ты не возражаешь.

– Он стоит дороже, – покачал головой авторитет. – Двоих таких, как Ник, уложить может. Голыми руками...

– Ладно – сто пятьдесят, – быстро согласился Пеньков, глядя на гладкие длинные бицепсы Миши. – По рукам?

– Договорились, – со смешанным чувством удивления и удовольствия кивнул Хазар.

Ему не особо хотелось расставаться со своим лучшим телохранителем, но и от навара он отказаться не мог. Сергей Кузьмич поднялся и подошел к купленному только что телохранителю.

– У меня завтра прием, придешь ко мне с утра, – склонившись к нему, сказал он. – Может, прислать за тобой машину?

Миша удивленно взглянул на Хазара и, увидев, как тот кивнул в подтверждение сказанного вице-мэром, ответил:

– Да я могу и сам доехать.

– Ну, зачем же, – улыбнулся Пеньков, приобнимая его за

плечи, – ты только скажи, куда подъехать. А теперь я вас должен оставить, – вдруг сделавшись озабоченным, произнес вице-мэр.

В сауне отдыхал Сошкин, с которым нужно было еще договорить.

ГЛАВА 5

Здесь не было даже желобов для стока воды, а улицы извилисто взбирались на холм. Выщербленный камень под ногами щерился пучками проросшей травы. Вонь нечистот забивала запах моря. И лишь порой ветерок, забредавший в полумрак низких черепичных крыш, доносил тонкое благоухание эвкалипта и иссопа. Только этот аромат, почти неуловимый в густых испарениях канав, полных гнилостной влаги, ободрял спутников Архелая – молодых воинов Митридата. Идущая впереди них сводня ловко обходила грязные лужи, резко сворачивала за очередным поворотом, заставляя мужчин торопиться. Им попадались навстречу оборванцы и потаскухи.

Последние приподнимали покрывала и беззастенчиво призывали спешащих воинов разделить с ними их убогое ложе. Антипатр чуть отстранялся, Эвстах только ухмылялся. Жар плотской страсти был сильнее опасений за свою судьбу. Они терялись в догадках, почему Архелай повел их в бедный квартал, к дешевым шлюхам. Потому ли, что хотел избежать опасности, связанной с их появлением в богатых домах, где их мог кто-то узнать, или из-за своей склонности к пряной экзотике потных дикарок, позволяющих делать с собой все, что угодно, за обол?

Архелай приказал Антипатру и Эвстаху одеться в бедняц-

кие хитоны, накинуть на плечи накидки из грубой шерсти. Только спрятанное под ними оружие и кошельки выдавали в них состоятельных граждан. Архелай сунул старухе серебряный тетрахалк. Та жадно зажала монету в ладони и просила следовать за ней.

Беззубая карга свернула в очередной раз, и последовавшие за нею мужчины оказались в темном тупике. Треугольное пространство, в котором они находились, было зажато между серых стен. Вечерняя мгла мягкой кисточкой стерла все выступы, пушистым зверем свернулась в нишах и прогалах, превратив этот уголок в подобие войлочного мешка.

Они услышали женские голоса и смех. Сводня обернулась к ним. Мужчины не проронили ни слова, только Архелай подбодрил ее решительным кивком.

Старушечьи пальцы сдавили медное кольцо, задержали им, стуча в дверь, которая тут же открылась. В проеме возникла чья-то невнятная тень.

Дверь растворилась чуть пошире, и Архелай, стоящий рядом со сводней, увидел плоское лицо евнуха.

– Дай войти, Исидор, – сказала сводня.

Евнух посторонился, пропуская гостей. Помещение с низкими стенами освещалось висящим под потолком оловянным светильником. Миновав узкую комнатку, гости очутились в застеленном большим ковром зале. На расставленных по обеим сторонам ложах возлежали полуголые женщины. Ложи были отделены друг от друга небольшими столиками,

на которых, кроме светильников, стояли чернолаковые кувшины с вином и глиняные стаканчики. На одном из сосудов была изображена голова менады в профиль, на другом – Поллукс и Леда, на третьем – сцена танца и самобичевания в честь Диониса.

Из таинственного помещения, отгороженного от зала плотной завесой из раскрашенной шерсти, вышла породная, облаченная в длинное платье женщина. Ее волосы были убраны на римский манер, глаза сильно подведены, щеки покрыты толстым слоем белил.

– Приветствую вас, – низким грудным голосом произнесла она, обращаясь к посетителям. – Гости желают приятно скоротать вечерок?

Ее фамильярность более, чем убогий вид жилища, говорила о том, что изысканного пения и игры на кифаре посетители здесь не услышат.

– Мы хотели бы посмотреть товар, – в такой же вульгарной манере сказал Архелай, которого не смущала подобная обстановка.

– Прошу, – женщина сделала широкий жест рукой и направилась к стоящим слева ломам. – Можете называть меня Гермией. А ну-ка, Тимо, покажи свои прелести, – обратилась она к прикрытой тонкой истертой тканью девушке с черными, как смоль, волосами и выступающими скулами скифки.

Девушка поднялась, отбросив полупрозрачную тунику.

Под ней оказалось плотное смуглое тело. На лобке густо курчавились волосы, жесткие, как проволока.

Гермиона покосилась на мужчин. Архелай пожал плечами и перешел к другому ложу, на котором, подогнув под себя ноги, сидела тонкая, как статуэтка Изиды, девушка с каштановыми, собранными при помощи серебряного обруча волосами.

– Ификлея, – надменно улыбнулась хозяйка заведения, – поприветствуй гостей.

Девушка легко поднялась, простерла руки вверх, переплела их, раскинула, покрутила запястьями, грациозно присела, опустив при этом ресницы.

Архелай распахнул надетую на нее тунику. Под дымчатой тканью бледным золотом светилась юная плоть.

– Беру ее, – сказал Архелай.

Девушка старательно улыбнулась, демонстрируя ровные зубы.

– Это самая дорогая гетера, – одобрительно кивнула Гермиона.

– Договоримся, – буркнул Архелай.

Антипатр выбрал светловолосую меотку Гелиодору, Эвстах – пышногрудую тяжеловатую сарматку Архедику. Каждую пару провожала лично Гермиона.

В этот вечер она получила щедрую плату за услуги.

Оказавшись в тесной комнате, на потолке которой дрожало охристое пятно от светильника, а в углу, на низкой под-

ставке стояла черная гидрия с изображенной на ней сценой омовения у источника, Архелай сбросил с себя накидку. В ее полы завернул он снятые с пояса кошельки и кинжал.

На столике возле ложа он нашел лекиф и глиняный кувшин с вином. Поднял его и сделал несколько жадных глотков. Поморщился. Девушка, нагая и покорная, лежала на зеленом покрывале. Меж ее торчащих грудей мерцали голубые бусы из халцедона. Матово-голубое свечение камня оттеняло светлую желтизну гладкой кожи. Архелай скинул хитон и припал к чуть подрагивающему девичьему телу.

Хрупкая и беззащитная на вид, Ификлея выказала себя в любовных забавах страстной и неукротимой вакханкой. С неутихающей похотью тигрицы отдавалась она Архелаю. Без усталости дарил он ему плотоядную дрожь и сок своего тела. Из соседних комнат, из-за тонких перегородок и занавесок доносились до них сладострастные вопли. Антипатр жалобно стонал, Эвстах ревел как бык.

Почувствовав жажду, Архелай поднялся на ложе.

– Дай мне воды, – приказал он Ификлее.

Пить гадкое вино он не хотел. Девушка налила из гидрии воду в керамическую чашу и протянула воину. Осушив две чаши подряд, Архелай откинулся на подушки. Ификлея смочила губы в кислом вине и горячей тенью скользнула на постель. Архелай жадно обнял ее.

Угловая комната, которую предоставила Иннокентию Галина, ему понравилась.

Хотя он и не был привередливым, привыкнув в походах довольствоваться самым малым, но кто же откажется от комфорта?

Комната была маленькой, квадратной и от этого выглядела больше своих настоящих размеров. Высокие потолки придавали ей еще больший объем.

Два прямоугольных окна, выходявших на север и северо-запад, давали много света, но не позволяли горячему южному солнцу слишком сильно ее нагревать, и поэтому ночью там было прохладно.

Вообще-то он сперва решил, что будет спать с Галиной, но она, то ли не захотев нервировать брата, который за ужином косо поглядывал на Иннокентия, то ли еще по какой причине предложила ему спать отдельно.

Собственно, на большее он и не рассчитывал, хотя и надеялся. До сих пор его ноздри шекотал запах Галины, а ладони как будто снова ощущали ее гладкую кожу и упругие груди.

– Это моя спальня, – сообщила она ему, собрав с тахты простыни и постелив новые.

– А ты разве со мной не останешься? – Он попытался обнять ее за талию, но она выскользнула из его объятий.

– Перебьешься, – коротко ответила Галина, выходя из спальни.

Иннокентий никогда не страдал от бессонницы, засыпая одинаково и в своей питерской комнатке, и в палатке посреди поля, но в этот вечер, только опустив голову на подушку, он просто провалился в черную бездну.

Видимо, сказалась дневная нервотрепка. Зато утром он поднялся с первыми лучами солнца. Он не совсем понимал, что его разбудило. Казалось, в доме стояла полная тишина, но в то же время тонкий слух Иннокентия улавливал какие-то шуршащие звуки. А может, это ему только померещилось или приснилось? Снаружи вовсю горланили птицы, легкий ветерок нес с моря прохладный соленый воздух, который залетал в открытые окна, загороженные лишь деревянными жалюзи.

Увидев на подоконнике какую-то тоненькую брошюрку, он машинально взял ее и раскрыл на середине. Ему было интересно, что читает Галина.

«...МИТРИДАТ ШЕСТОЙ ЭВПАТОР (132-63 гг. до н. э.), царь Понта в Малой Азии и ярый противник римской экспансии на Ближнем Востоке.

Около 115 лет до н. э. Митридату удалось свергнуть свою мать Лаодику, которая в 121–120 гг. до н. э. убила его отца Митридата Пятого Эвергета и захватила власть. После подавления войсками Митридата восстания боспорских скифов (107 г. до н. э.) царь Перисад V передал ему власть в

Боспорском государстве. В зависимости от Митридата оказались почти все греческие города на Черном море. Он покорил также Малую Армению и Колхиду. Благодаря дружеским отношениям с племенами варваров...»

Он перелистнул еще несколько страниц.

«...При последнем царе Спартокидов Перисаде Пятом напор скифов на европейскую часть Боспора был так силен, что, не будучи в силах оказать скифам сопротивление, боспорская правящая верхушка во главе с Перисадом решила обратиться за помощью к могущественному понтийскому царю Митридату Шестому, прозванному Эвпатором (т. е. „знатным“ или „благородным“). Он владел землями к югу от Черного моря.

Митридат послал в Крым военную экспедицию во главе с полководцем Диофантом, который одержал там победу над скифами и, приехав на Боспор, начал переговоры с Перисадом Пятым о передаче им власти Митридату...»

Все это было Иннокентию известно. Он знал, как во времена своего могущества был силен Митридат. Закрыв книжку, он положил ее обратно на подоконник.

Сунув руку под подушку, достал мешочек с монетами и перстнем и высыпал все на ладонь. Сегодня ему нужно попытаться продать хотя бы одну монетку.

Не самую дорогую. Пожалуй, вот эту и эту, он отобрал две монеты, которые отнес к началу первого тысячелетия. Примерил перстень, который оказался ему впору, и оставил

его на руке. Две монеты второго века до нашей эры снова спрятал в мешок.

Он оделся, сунул выбранные монеты в карман штанов и поискал, куда бы припрятать мешочек с оставшимися. Не найдя ничего лучшего, сунул его в щель между шкафом и стеной.

Спустился вниз. Кажется, все спят. Подойдя к холодильнику, он перекусил остатками вчерашнего ужина: два куска сыра, хлеб, помидоры. Что еще нужно молодому человеку? Разве что умыться... Собираясь выйти во двор, он заметил в прихожей еще одну дверь, которая вчера не попала в поле его зрения. Толкнув ее (она оказалась незапертой), Иннокентий увидел крутую каменную лестницу, ведущую в полуподвальное помещение.

Заинтересовавшись, Иннокентий стал спускаться вниз, не особенно заботясь о соблюдении тишины. Он же не делает ничего предосудительного, только посмотрит...

Внизу лестница упиралась еще в одну дверь. Та со скрипом отворилась, и взору Иннокентия открылось довольно занимательное зрелище, если не сказать таинственное. Комната представляла собой помещение чуть больше спальни, из которой Иннокентий только что вышел, только с низким потолком. Все стены были затянуты темно-синей тканью. В левом дальнем углу виселось что-то вроде старинной подставки на одной ножке. В нескольких сантиметрах над ее круглой поверхностью висел стеклянный шар размером с неболь-

шую дыню. Подойдя ближе, в полумраке комнаты Иннокентий заметил, что он не парит, а покоится на изящном треножнике. Вкруг него были расставлены три свечи в высоких бронзовых подсвечниках. Еще один подсвечник, но уже с семью свечами, стоял у задней стены. Свет, падавший сверху из окошка, проходил сквозь шар, отбрасывая на стены замысловатый узор.

На самих же стенах висели круглые картины с изображениями знаков Зодиака.

В центре комнаты, чуть дальше к задней стене, где Иннокентий заметил еще одну дверь, стоял круглый стол, покрытый черной бархатной скатертью, спадавшей до самого пола. Вокруг стола расположились стулья с мягкими сиденьями и спинками, обтянутыми красным шелком. У них были позолоченные резные ножки, а спинки сверху украшены золотыми головками грифов.

На столе виселся еще один стол, тоже круглый, только меньшего размера.

Верхняя часть этого столика была разделена на сектора, в каждом из них красовалась буква русского алфавита. Кроме того, в этом же ряду были начертаны два слова: «да» и «нет».

На приставленной к боковой стене медицинской кушетке валялась какая-то белая тряпка. Иннокентий поднял ее и принялся рассматривать. Тряпка оказалась чем-то вроде копии древнегреческого пеплума с большой золоченой застежкой. Что-то во всем этом было так не похоже на простую со-

временную жизнь, что Иннокентий застыл на какое-то мгновение под впечатлением увиденного.

– Как ты сюда попал? – услышал он сзади резкий окрик.

Пеплум выскользнул из его рук и упал к ногам.

– Было не заперто, – обернулся он и увидел Галину.

Ее грудь прикрывало бикини, а на бедрах были короткие бежевые шорты.

– Нечего тебе здесь делать, – она ринулась к нему и, оттащив за руку, захлопнула дверь.

У Иннокентия не было никаких сомнений насчет того, для чего предназначена эта тайная комната.

– Спиритические сеансы? – спросил он, очутившись с Галиной на маленьком пятачке перед дверью.

– Тебе какое дело?

Галина была так близка и желанна, что он обхватил ее за талию и привлек к себе. Она еще пахла базиликом, смешанным с заходящим солнцем, а ее соски неожиданно напряглись и уперлись в грудь Иннокентию...

– Просто так...

Он попытался поймать ее губы, но она вывернулась из его объятий и оттолкнула его двумя руками.

– Отстань...

– Да что с тобой?

– Ничего, – она замотала головой, отчего ее небрежные волосы тяжелыми волнами растеклись по загорелым плечам. – Зачем ты суешь нос не в свое дело?

– Ничего я не сую. Дверь была открыта...

– Это не значит, что надо туда заходить.

– Ты веришь в духов?

– А если и так?

– Пожалуйста, только... – Иннокентий замялся, – ...просто я не думал...

– А думать надо! – резко заявила Галина. – Хотя бы иногда.

– Ты неправильно меня поняла, – попытался выкрутиться Иннокентий. – Сюда я зашел случайно. Мне наплевать, что ты делаешь в этой комнате с какими-то там духами, просто ты мне нравишься.

– А ты мне нет, – она наклонила к нему голову. – Лазаешь везде, словно сыщик.

– Хватит тебе, – у Иннокентия пропало всякое желание обнимать ее, – я ничего никому не скажу, если тебя это волнует.

– Меня волнует другое, – она тяжело дышала, и ее едва прикрытая грудь вздымалась морской волной. – Я тебя пускаю в свой дом, предлагаю пищу и ночлег, себя, в конце концов! – повысила она голос. – А ты, ты...

– Обещаю, больше не буду, – просто сказал Иннокентий, зная, что искренность всегда помогает выпутаться из сложных ситуаций.

Правда, настоящее положение он не считал слишком уж запутанным, хотя, с другой стороны, неизвестно, как его вос-

принимала Галина. Она стояла, прислонившись спиной к злополучной двери, готовая отразить любую атаку.

Она была похожа на гарпию, статую которой Иннокентий видел на одном из московских зданий. Он уже не помнил, где именно, но сейчас это не имело никакого значения. Гарпия, она гарпия и есть – с острыми клыками и горящими глазами.

– Ты куда-то собрался? – Галина немного смягчилась.

– На базар.

– Вот и иди, – она выудила из карманов шорт ключ, вставила его в замочную скважину и два раза повернула.

– Теперь успокоилась? – спросил Иннокентий.

Зря, наверное, спросил. Галина снова завелась.

– Иди отсюда, если хочешь остаться, – выпалила она и пошла наверх.

Иннокентий побежал следом.

– Я скоро приду, – он догнал ее перед выходом во двор, – если ты не возражаешь. Возможно, с деньгами.

– Это уже лучше, – вздохнула Галина. – Ты на меня не обижайся, – она повернулась к нему, – просто я плохо спала.

– Я не обижаюсь, – честно признался он, – я вообще ни на кого не обижаюсь.

– Что, прощаешь все и всем? – резко спросила Галина. – Может, ты Иисус?

Иннокентий понимал, что она чем-то расстроена, и ее нужно как-то успокоить, и потом все-таки он и правда зашел в комнату, куда его никто не приглашал.

– Во-первых, – спокойно произнес он, – я ни с кем особенно не общаюсь, поэтому никто не собирается меня обижать, а во-вторых, когда меня пытаются обидеть специально, я думаю, не сам ли я в этом виноват? Знаешь, так проще жить, хотя если подумать, то жизнь штука не простая.

– Знаю, – кивнула Галина.

– Если хочешь, я никогда не буду спрашивать про эту комнату.

– Это такой бизнес... Как-нибудь потом расскажу. Ты бы съел чего-нибудь перед уходом, – совсем по-домашнему добавила она.

– Уже съел, – улыбнулся Иннокентий.

– Быстрый мальчик, – Галина рассмеялась и вышла во двор.

Там он увидел Валентина. Тот, одетый в одни только сиреневые плавки, стоял возле сарая и нажимал ногой на какой-то прибор, внешним видом напоминавший кузнечные мехи. Возможно, это и были мехи, потому что из узкого отверстия, которыми они заканчивались, валил густой белый дым. Где-то в походах Иннокентий видел дымарь, которым пчеловоды окуривают ульи, так вот эти мехи чем-то его напоминали, только были несколько больше. Подойдя ближе, Иннокентий понял, что ошибается. Это был явно не дымарь, так как дым совершенно не имел запаха. Никаких пчел он бы не смог отпугнуть. Да и нигде на участке Иннокентий не заметил ни одного улья. Спрашивать о предназначении стран-

ного прибора он не стал, так как Валентин, подняв голову, одарил Иннокентия полупрезрительным взглядом. Точно такой же взгляд он бросил и на сестру. Она остановилась рядом с Валентином, явно намереваясь о чем-то его спросить, а Иннокентий пошел к калитке, все же поприветствовав Валентина кивком. Тот проводил его неприязненным взглядом, снова занявшись выпуском дыма.

ГЛАВА 6

– Дай мне дидрахму, и узнаешь много интересного о пришельцах. – Седая сводня заискивающе улыбалась.

Гермиона словно окаменела. Ее похужее на студень лицо покрылось коростой немоты и презрения.

– Я скажу тебе такое, что дидрахм покажется тебе оболком – так мало я прошу в сравнении с тем, что хочу сообщить тебе.

– Что же ты хочешь сказать мне? – Гермиона бросила на старуху пренебрежительный взгляд.

– Дай вначале монету, – не сдавалась сводня.

– Ты, Леофила, совсем обнаглела! – усмехнулась Гермиона.

– То, что я скажу, заслуживает целой горсти дидрахм...

Глаза старухи горели молодым огнем. Это черное пламя на миг оживило застывшие черты Гермионы.

– Я дам тебе драхму, – хозяйка достала из-за пояса кошелек из свиной кожи.

Серебряная монета исчезла в бесформенном тряпье старухи. Ее лицо пересекла судорога удовольствия.

– Это богачи, – доверительно сказала Леофила, – у них под накидками тугие кошельки.

Гермиона слегка приподняла насурьмленные брови.

– Верь мне, – горячо зашептала старуха, – Леофила нико-

гда не ошибается.

– Я и сама поняла, что это не плебеи, – со значением произнесла Гермiona. – Спасибо, Леофила, можешь идти.

Сводня поклонилась хозяйке и поспешила убраться. А Гермiona позвала Исидора.

– Беги к Пантелеймону, скажи, у меня к нему срочное дело. Я жду его не позднее полуночи.

Евнух молча кивнул и вышел из дома.

* * *

До города было довольно далеко, так что, шагая бодрым шагом, Иннокентий размышлял об увиденном в доме. Все, что там происходило, казалось ему по меньшей мере загадочным. Странная комната в полуподвале, резкая перемена в отношениях к нему Галины и этот клубящийся, ничем не пахнущий дым...

Что бы это могло значить? Наличие в доме предназначенной для спиритических сеансов комнаты он еще мог как-то объяснить. Мало ли сейчас людей, стремящихся постичь тайны прошлого и будущего! Почему бы и Валентину с сестрой этим не интересоваться? Когда-то, еще учась в институте, он кое-что читал... Папюса, например.

Иннокентий встряхнул головой, отгоняя от себя навязчивые мысли. Вероятно, это Галина на него так действует. Она действительно была хороша. Овальное лицо, прямой, почти

что греческий нос, уши, напоминающие морские раковины, рассыпанные по плечам волосы... Только фигура несколько не соответствовала греческим канонам. Даже небольшие утолщения на животе не могли придать ей сходства с Афродитой. Галина была все-таки более сублильной и в то же время какой-то агрессивной, чего не было в облике древнегреческой богини.

Идя вдоль берега, Иннокентий замечал, что по приближении к городу морская вода становилась все грязнее, а появлявшиеся на берегу люди совсем не походили на греков начала прошлого тысячелетия.

Вернее, позапрошлого. Как-никак шел второй год двадцать первого века...

Все они, за редким исключением, были больше похожи на объевшихся бананами обезьян.

Повеяло дымком шашлыка, который жарили в металлических мангалах предприимчивые азербайджанцы и армяне, стали появляться лотки торговцев фруктами и овощами. Пока что Иннокентий не мог себе позволить этих маленьких радостей. Что, впрочем, его не сильно расстроило. Кажется, дела его складываются не так уж плохо, как это могло показаться вначале. Что, в принципе, случилось? Ну, потерял он кое-какое снаряжение, палатку и немного вещичек. Пару довольно ценных монет. Но ведь жив-здоров, руки-ноги целы, а все остальное – дело наживное. Леха со своими прихвостнями – «шестерки» какого-то Хазара – навряд ли станут его

специально разыскивать. Все, что он хотел, – сдать пару монет за полцены, чтобы можно было купить новое снаряжение и палатку и переехать подальше от Анапы. Возможно, к Новороссийску или Геленджику. Там уж его точно никто не достанет.

* * *

Насвистывая, Иннокентий шел по побережью. На крутом берегу между пляжем и морским вокзалом, под белой балюстрадой набережной, были отчетливо видны пятна золы и сажи. Древняя жизнь открывалась перед ним как на ладони. Над разрушенными очагами древнейших зданий лежали ровные полы построенных позже домов, а еще выше над ними – ряды вымосток, мусора и следы очагов. Раньше, лет двадцать назад, после шторма на этом месте можно было обнаружить вымытые волнами древние монеты, обломки глиняных сосудов и мраморных плит, а иногда даже статуэтки из бронзы и глины, куски глиняных статуй. Прекрасные греческие вазы, каменные плиты с рельефными фигурками, разнообразные монеты, бусы и амулеты анапчане находили при рытье ям во дворах собственных домов. Галина не лгала, когда сообщила о найденной в огороде монете.

В давние времена Анапу окружала крепостная стена, огораживающая город живых, а вне ее лежал город мертвых, или некрополь, то есть кладбище.

Сейчас Иннокентий входил в древний город-государство, основанный греками в Северном Причерноморье.

Он вспомнил о мифах и сказаниях об аргонавтах, совершивших на корабле «Арго» поход в Колхиду за золотым руном, об Ифигении – дочери царя Агамемнона, которую тот должен был принести в жертву Артемиде и которую богиня, заменив на алтаре ланью, унесла в Тавриду (нынешний Крым), о годах владычества Ахилла на острове Левка в устье Дуная и о блужданиях Одиссея в стране киммерийцев, древнейших обитателей Северного Причерноморья.

Огромный солнечный шар, от которого слепило глаза, уже полностью выкатился из-за горизонта. Щедро разбрызгивая свои лучи по загаженным пляжам и утопая в густой растительности, покрывающей вздымающиеся неподалеку от моря горы, он толчками поднимался все выше и выше.

Первым делом Иннокентий взял деньги и документы в камере хранения.

Как все-таки он дальновидно поступил, оставив их здесь. Не бог весть какие деньги, но все же... Теперь на базар. Найти нумизматов, узнать, кто интересуется древними монетами, договориться о цене.

Когда Иннокентий появился на городском рынке, торговля была в разгаре.

Пройдя через овощные и фруктовые ряды, он вышел в дальний конец площади, где разложили свои товары торговцы книгами, марками, открытками и всякой мелочовкой.

Здесь было менее оживленно. Интересующиеся как-то вяло передвигались по рядам, а продавцы так же лениво глядели на них через стекла солнцезащитных очков. Выбирая, к кому бы обратиться, Иннокентий заметил средних лет мужика в голубой бейсболке, перед которым на раскладушке были разложены книги, открытки, значки, медали и ордена.

Мужик лениво сосал сигарету, выпуская дым через пышные, пшеничного цвета усы. Посматривая по сторонам, он сидел на маленьком раскладном стульчике и немного оживился, когда Иннокентий остановился перед его раскладушкой.

– Чем интересуемся? Книгами, значками?

– Нет, – Иннокентий покачал головой, – мне бы нумизматов найти. Что-то я не вижу ни одного.

– Вы что, сегодня все сговорились, что ли? – пожал тот плечами. – Ты тоже не местный, наверное, – мужик смотрел на Иннокентия из-под козырька бейсболки.

– Почему не местный?

– Потому что не знаешь, что нумизматы два раза в неделю собираются, – пояснил мужик. – Завтра приходи, и не так рано. У них чего только нет. Найдешь все, что тебе нужно.

– Да я не купить, – с сожалением покачал головой Иннокентий, – мне продать нужно. Может, посмотришь? – Он полез в карман за монетами, но мужик сделал отрицательный жест рукой с зажатой в ней сигаретой.

– Я в них ничего не понимаю. А ты, если хочешь продать,

покажи свои железяки вон тому парню, – он ткнул пожелтевшим от никотина пальцем куда-то в сторону овощных рядов. – Он тоже нумизматов сегодня искал.

– Вон тот, что ли? – Иннокентий увидел невысокого парня неопределенного возраста.

Ему с одинаковой долей вероятности можно было дать и двадцать пять, и на десять лет больше. Его лицо украшала восточного типа черная бородка, светло-серые, как издали показалось Иннокентию, глаза смотрели как-то безвольно и незаинтересованно. Он торговался с продавцом помидоров, накладывая сочные крепкие плоды в пластиковый пакет. Несмотря на довольно жаркую погоду, парень был одет в костюм и сорочку с широким немодным галстуком.

– Этот, этот, – кивнул мужик, – с самого утра здесь вертится.

Поблагодарив мужика, Иннокентий направился к парню с бородкой. Тот как раз расплачивался с торговцем помидорами. Подождав, когда он отойдет от прилавка, Иннокентий шагнул ему навстречу.

У парня был довольно благообразный вид, так что Иннокентий сперва решил представиться. Тот как-то испуганно поглядел на Иннокентия, моргая небольшими, глубоко посаженными глазами.

– Юрий, – сказал он после минутного молчания, – только...

– Слышал, ты интересуешься монетками, – сразу пояснил

Иннокентий, – у меня есть кое-что.

– А-а, – обрадовался Юрий, – это хорошо. А то я уезжаю скоро, хотел себе что-нибудь прикупить.

Юрий, получив гонорар от Хазара за надгробье его подстреленному приятелю и изваяние для вице-мэра под названием «Памелла», решил, раз уж он оказался в таком месте, где древние монеты буквально валяются под ногами, сделать небольшой бизнес. Купить по дешевке монет, чтобы потом с выгодой перепродать их в Питере. Таким образом, его гонорар мог бы увеличиться раза в два при самом неудачном исходе. Но он тоже попал не в торговый день и очень этому огорчился. Можно, конечно, было подождать до завтра, но когда человек что-то решает сделать, то перестроиться бывает непросто. Поэтому Юрий, как человек суеверный, решил, что Иннокентия ему послало провидение, но как человек осторожный, все же решил прозондировать почву.

– Хочешь посмотреть? – спокойно спросил Иннокентий.

– Давай отойдем в сторонку, – Юра перехватил пакет с помидорами в другую руку и сделал несколько шагов к кованому забору, ограждавшему территорию рынка.

– Пошли, – согласился Иннокентий.

Они встали возле забора лицом друг к другу, и Иннокентий, сунув руку в карман, выудил сперва одну монету. Юра долго крутил ее в руках, рассматривая с обеих сторон, проводил по лицевой стороне подушечками пальцев, пытаясь определить подлинность. Кое-что он в этом понимал –

все-таки окончил Академию искусств, но боялся ошибиться. Пропальпировав таким образом обе монеты (вскоре Иннокентий протянул ему и вторую), он долго переминался с ноги на ногу, не решаясь спросить о цене.

– Ну так что, будешь брать? – Иннокентия уже начала раздражать эта нерешительность. – Продаю по дешевке. В столице на этом можно неплохо заработать. Просто мне деньги нужны.

– Похожи на настоящие. – Юра поднял на Иннокентия свои серые глазки.

– Еще вчера они лежали на дне морском.

– И как же они попали к тебе?

– Не бойся, я их не украл.

– Ты что, нырял за ними?

– Нет, они сами ко мне приплыли. Давай сюда, – Иннокентий почти вырвал у Юрия монеты и, сунув их в карман, собирался уйти, но парень с бородкой остановил его.

– погоди, – ухватил он Иннокентия за локоть, забыв про помидоры, пакет с которыми остался валяться в пыли. – Может, я тоже смогу найти такие.

– Ты? – снисходительно окинул его довольно субтильную фигуру Иннокентий. – Попробуй.

Надо, конечно, было бы оставить в покое этого нерешительного парня и прийти завтра. Если бы он знал! Иннокентий чувствовал, что теряет время. Но порой человек оказывается намагниченным обстоятельствами, и не в силах со-

противляться их роковому гипнозу.

– Я могу быть твоим помощником, – с горящими глазами быстро проговорил Юрий.

– Да не нужен мне никакой помощник, – Иннокентий пожал плечами.

– Ты научишь меня нырять. Ты не смотри, что я такой невзрачный, – торопливо говорил Юра, – я целыми днями киянкой работаю. Это только кажется, что я не справлюсь. Я очень выносливый.

– Да у меня и аппаратуры-то нет, – задумчиво произнес Иннокентий.

– Купим аппаратуру, – заморгал короткими черными ресницами скульптор, – деньги есть.

Он достал из кармана небольшую пачку долларов, показал ее Иннокентию и быстро спрятал назад. «Почему бы нет, – подумал Иннокентий, – если подворачивается такой случай, грех от него отказываться».

– В принципе, это можно обсудить, – сказал он.

– Вот ты где, ныряльщик, – услышал он сзади издевательский голос и почувствовал, как на его плечо легла чья-то тяжелая потная ладонь.

Где-то он этот голос уже слышал, причем совсем недавно. Он резко обернулся и увидел ухмыляющуюся рожу Лехи. «Вот черт!» Иннокентий опустил плечо, чтобы освободиться от неприятного захвата, но Леха держал крепко.

Рядом с ним стояли двое его подручных: Сальмон и вто-

рой, имя которого Иннокентий не знал. Оттеснив Юрия, они обошли Иннокентия сзади и встали у него за спиной, отрезая путь к отступлению. Все складывалось как нельзя хуже. С трех сторон его окружали решительно настроенные братки, а с четвертой – высился забор, ограждавший территорию рынка.

Парни явно были обижены вчерашним его поведением, поэтому у Иннокентия не было никаких сомнений в отношении их намерений. «Сейчас будут бить», – мелькнуло в мозгу.

Но парни, видимо, сперва решили покуражиться. Они растягивали удовольствие.

- Долги нужно отдавать, – насмешливо заметил Леха.
- Нужно, – поддакнул ему Сальмон.
- Обязательно, – добавил третий.

Они сужали круг, в котором очутился Иннокентий, подходя ближе и ближе.

Со стороны это могло показаться встречей старых приятелей. Почти все щерились в дурацких улыбках, расширив руки для объятий. Только вот было очень сомнительно, что они окажутся дружескими.

- Договоримся, ребята... – начал было Иннокентий, но его грубо прервали:
- Раньше надо было думать.
- Сколько я вам должен? – Иннокентий скосил глаза налево, потом направо, определяя, где стоят Лехины помощ-

ники.

– Много.

– Знаешь, что мы с тобой сделаем? – Лоснящееся от жира лицо Лехи расплылось в глупой широкой улыбке. – Ты у нас рыб будешь кормить. Но сперва попьешь соленой морской водички.

Он продолжал крепко держать Иннокентия за майку, которая и так дышала на ладан.

– А ты вали отсюда, – Леха пренебрежительно посмотрел на Юрку, стоявшего поодаль и ничего не понимавшего.

– Быстро давай, – Сальмон, который стоял к Юрке ближе других, резко присел, несмотря на свою комплекцию, и расставил руки, чтобы припугнуть скульптора.

Юрка резво отскочил назад, но не ушел, а продолжал наблюдать за происходящим.

– Кому сказали?! – Второй браток сделал несколько шагов в его сторону.

После такого вопроса, зная братковские нравы, Юрка не стал больше задерживаться. Он подобрал свой пакет с помидорами и двинулся к выходу.

Воспользовавшись некоторой рассеянностью Лехи и его команды в этот момент, Иннокентий понял, что должен действовать. Он слегка присел, увлекая за собой впившуюся в его майку Лехину ручищу, и тут же ударил по ней снизу двумя кулаками.

– Сука! – заорал Леха, бросаясь на Иннокентия, но тот,

крутнувшись на месте с выставленной вперед ногой, сделал ему подсечку.

– Бляд-д-дь, – Леха всей своей массой грохнулся на дорожку.

Подняться быстро он не мог, но зато пока еще был в состоянии отдавать приказания. – Сальмон, Малыш, уройте гада! – заорал он голосом кастрата.

«Ага, значит, второго зовут Малыш», – успел отметить про себя Иннокентий.

Он уже выпрямился, не забыв зарядить носком мягкой теннисной туфли в живот валявшемуся Лехе. Но в мягкой туфле была нога, поэтому тот отрубился капитально. Он зашелся в судорожном вздохе, прижимая руки к животу и суча ногами, как младенец. Странная картинка промелькнула перед мысленным взором Иннокентия: весивший не меньше центнера Леха на ручках у мамы, которая сует ему в пасть огромную сисюку... Впрочем, все это длилось не больше мгновения.

Теперь, когда реально действующих противников осталось двое, стало немного полегче. Соотношение из трех к одному превратилось в два к одному. Правда, и эти два стояли еще парочки обычных гавриков. Иннокентий бы предпочел с ними не связываться. Он и постарался как можно быстрее покинуть неприятное местечко. Метнулся в сторону, но путь ему преградил Малыш. Он стоял в полуприседе, с расставленными руками и чем-то напоминал борца сумо.

Обогнуть его, не рискуя попасть в расставленные руки, было нереально.

И Иннокентий кинулся прямо на него. Малыш обрадовался, когда увидел, что дичь сама идет, и уже начал сжимать свои мощные объятья, когда коленка Иннокентия врезалась ему в промежность.

Иннокентий услышал или, вернее, почувствовал какой-то неприятный чавкающий звук, и Малыш, закатив к небу глаза, стал заваливаться на спину.

– У-у-уй, ма-ама, – услышал Иннокентий почти у самого уха, когда свалился вместе с ним на землю.

Его лицо оказалось прямо на влажной щеке Малыша. В нос ударил терпкий запах пота и кожи. Иннокентий брезгливо поморщился, оттолкнулся от грузного тела и перекатился в сторону. Как раз вовремя. Сальмон был уже рядом и с разбегу плюхнулся на него всей массой. К счастью, Иннокентий успел поменять местоположение. Вследствие этого Сальмон попал на своего приятеля. Малыш еще раз охнул под его тяжестью, сжимая ладони рук толстыми ляжками.

– Не уйдешь, паскуда! – Сальмон выбросил руку в сторону и успел ухватить Иннокентия за многострадальную майку возле пояса.

Иннокентий, извиваясь как уж, попытался высвободиться, но все его усилия оказались тщетными. Сальмон держал его так, словно от этого зависела его жизнь. Развернувшись, Иннокентий несколько раз ударил его по запястью. Тот ру-

ку не разжимал. Он подтягивал к себе Иннокентия, шаря по земле второй рукой. Еще одно мгновение – и тогда ему уже не вырваться. Что будет дальше, можно было даже не гадать.

Братки разделают его под орех, если вообще оставят в живых. Конечно, здесь они с ним разбираться не станут. Отвезут куда-нибудь в горы или, скорее всего, на море. Там уж оттянутся на полную катушку...

Продавцы и покупатели, позабыв о торговле, наблюдали за дракой издалека, не рискуя приближаться к дерущимся. Как назло, не было ни одного хоть самого завалящего стража порядка, который мог бы прийти Иннокентию на помощь. Когда они нужны, их днем с огнем не сыщешь. Приходилось выкручиваться самому. Сальмон умудрился встать на карачки и силился схватить Иннокентия свободной рукой. В последний момент, когда Сальмон почти поймал его, Иннокентию удалось вывернуться так, что его ноги оказались у самой груди его противника. Тут уж он постарался: выпрямил ноги с такой силой, что они чуть не по колено вошли в грудь Сальмона.

Лоскут майки остался в руке братка, а он сам, перекатившись назад через голову, врезался в Малыша.

Взревев, как стадо бабуинов, напуганных слонами, Малыш с несвойственной для такого громилы прытью вскочил на ноги и, озверело вращая глазами, уставился на Иннокентия. Потом мотнул головой, словно отгоняя назойливых мух, и двинулся вперед.

– Конец тебе, конкретно, – прошипел он.

Не став дожидаться обещанного конца, Иннокентий ринулся к забору.

Он уже был почти на самом верху, когда почувствовал на лодыжке железную хватку монстра. Тот тяжело, со свистом сопел, будто у него воспалились гайморовы пазухи, и тянул ногу на себя. Вцепившись в стальные прутья решетки, Иннокентий что было сил тянул ногу назад. «Интересно, – мелькнуло в голове у Иннокентия, – если его не остановить, он мне и ногу вырвет к чертовой матери?» А Сальмон продолжал молча тянуть ногу на себя, смешно подпрыгивая, чтобы поймать и вторую щиколотку Иннокентия. Впрочем, для последнего смешного в этом было мало. Он же не какая-то ящерица, отбрасывающая хвост, чтобы спастись бегством! Нужно было что-то срочно предпринять. Еще раз потянув Сальмона на себя, Иннокентий свободной ногой ударил громилу в лоснящуюся рожу.

Кажется, попал. Пятка угодила куда-то в район переносицы. Раздался омерзительный хруст ломающейся кости и хрящей, и Иннокентий почувствовал в ногах долгожданную легкость. Он из последних сил подтянулся на руках и перекинул гибкое тело через верх ограждения. Свалившись вниз, тут же поднялся на ноги. Та, на которой висел громила, кажется, немного повреждена. Но это сейчас не самое страшное. Главное, он вырвался из рук этих уродов, которые сделали бы из него отбивную.

Кинув взгляд на место побоища, Иннокентий не поверил своим глазам.

Неужели это все сделал он один? Три жирных борова ворочались в пыли и, кажется, не собирались его преследовать. Но один из них уже почти поднялся и с ненавистью смотрел через решетку на Иннокентия. Это был Леха. Перелезть через забор ему было не по силам.

– Ты – покойник, понял? – злобно прорычал он.

– Пока еще нет. – С трудом, но Иннокентию удалось улыбнуться.

Во всем теле ощущалась такая усталость, словно он целую ночь разгружал трюмы кораблей. Причем вручную.

Скрипнув зубами от злости и невозможности отомстить обидчику, Леха вдруг что-то вспомнил.

– Пистолет! – заорал он и метнулся к Сальмону.

Сальмону сейчас было не до пистолета. Он качался из стороны в сторону и тихо подвывал. Между его рук на гравий падали крупные капли крови, вытекавшей из раскороченного носа. Леха толкнул его в плечо коленом, так что тот, продолжая выть, завалился на бок, и принялся шарить по карманам его пиджака. Не став дожидаться, пока Леха вытащит пистолет и еще сдуру начнет из него палить, Иннокентий, слегка прихрамывая, рванул вдоль ограды.

– Стоять, паскуда, пристрелю! – услышал он за спиной надрывный голос Лехи.

– Щас, только шнурки поглажу, – буркнул Иннокентий се-

бе под нос и, пробежав еще несколько метров, стал проди- раться сквозь кусты к морю.

Неожиданно земля ушла у него из-под ног, и он кубарем покатился под откос. Как выяснилось, он свалился с неболь- шого уступа. Зато теперь он был вне досягаемости. Густая стена кустов закрывала его от братков.

Поднявшись, Иннокентий проверил, все ли у него цело. Ощупал локти, колени, повертел головой, запястьями, ступ- нями. За исключением нескольких царапин, полученных во время падения, слегка нывшей стопы и разорванной майки, все было в порядке. Просто удивительно, что он так легко отделался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.